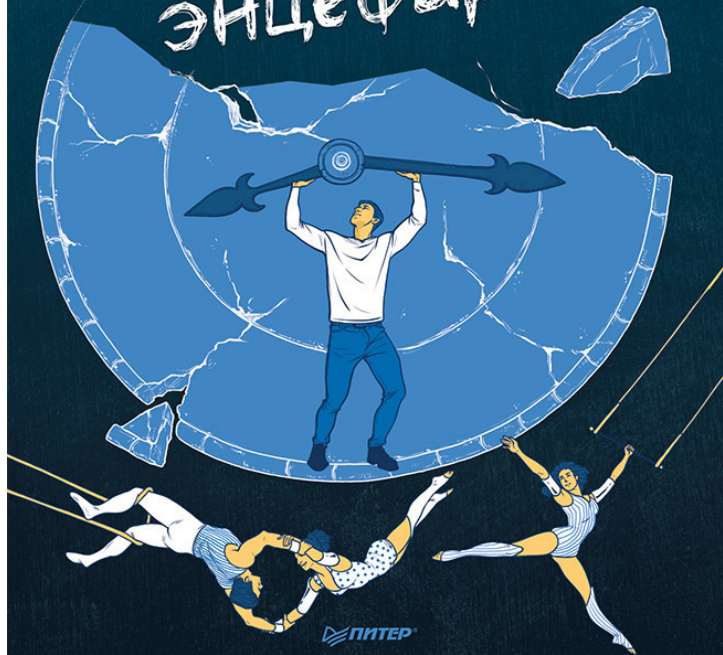

Ирина Оганова

#ЧАСЫ БЕЗ ЦИФЕРБЛАТА

или Полный
энцефалект

Ирина Оганова
Часы без циферблата, или
Полный ЭНЦЕФАРЕКТ

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48588172

Часы без циферблата, или Полный ЭНЦЕФАРЕКТ: Питер; Санкт-Петербург; 2020

ISBN 978-5-00116-389-3

Аннотация

Ирина Оганова – писатель, автор бестселлеров #Иллюзия счастья и любви и #Мы никогда не знаем, известный искусствовед и популярный Instagram-блогер.

Любовь и ненависть, рождение и смерть, поиск счастья и своего предназначения – сложно перечислить все темы, затронутые автором в четырёх новеллах этой книги. Ирина Оганова с поразительной чуткостью раскрывает внутренний мир героев, погружённых в непредсказуемое течение жизни, и пишет для читателя такую знакомую и одновременно такую изменчивую картину ускользающей действительности.

Содержание

Золушка по-питерски	5
Конец ознакомительного фрагмента.	81

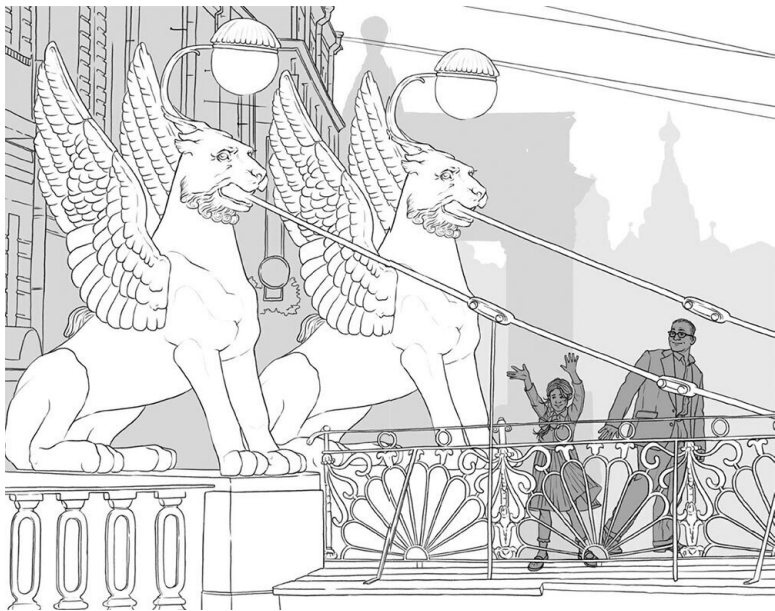
Ирина Оганова

**Часы без циферблата, или
Полный ЭНЦЕФАРЕКТ**

© ООО Издательство «Питер», 2020

© Ирина Оганова, 2020

Золушка по-питерски

Все жильцы дома номер 8 по улице Ветеранов, что на юго-западе Ленинграда, знали – в квартире 22, на третьем этаже хрущёвки, проживает настоящий тиран. И имя этой нелюбимой молодой дамочки, с вечно надменным выражением лица, самое что ни на есть обычное – Светлана Васильевна Спиридонова.

Жила она не одна, а с переспелым мужчиной, похожим

на поникший холщовый мешок – скорее всего, сказывались годы, проведённые в одних стенах с малоприятной женщиной, и по всему было заметно, что полностью зависит от её непростого нрава. Пётр Алексеевич даже здоровался странно, словно извинялся, пряча близорукие глаза за толстыми стёклами очков.

Кто-то разнёс слух, что в законном браке они не состояли, просто сожительствовали, фамилии-то разные. Совсем недавно переехали на Ветеранов, и их маленькая дочка Танюша ходила в детский сад неподалёку. Соседи каждый будний день видели, как Светлана Васильевна выходила из парадной ровно в 8 утра, крепко держа Таню за руку. Отводила дочку в садик, а потом ехала в районную поликлинику, где работала гинекологом, отчего и знали её многие лично.

Всё бы ничего – странная и странная, если бы из квартиры номер 22 частенько не раздавались истеричный крик Светланы и громкий, истошный плач её дочки и постоянное «мама, я больше так не буду!»

Всем было ясно: лупит она своего ребёнка, а за что – непонятно, хорошая девочка, тихая, с копной белокурых кудрей и, как ни странно, большими карими глазами. Одно смущало – приличный сколиоз, какая-то врождённая патология, отчего соседям вдвойне было жаль Танечку. Правда, про Петра Алексеевича ничего плохого сказать не могли, по всему было видно – в дочке своей души не чаёт и о многом не догадывается. Кто же захочет в чужую семью лезть? Сами

разберутся.

Светлана выросла в неблагополучной семье тихих алкоголиков. Нет, родители не были тунеядцами и работали на Кировском заводе. Отец пил всегда, а мама пристрастилась вслед за ним. По-своему они были даже счастливы: исправно вдвоём ходили на завод и квасили вечерами. Как они ухитрялись каждый день вставать в семь утра, Свете было неизвестно. О дочери особо не пеклись – сыта, обута и слава богу.

Жили они с матерью отца, которая ещё в сорок первом к ним из Стрельны переехала, где имела маленький покосившийся домик с печным отоплением и колодцем во дворе. Света родилась летом сорок пятого. Каким-то чудом дом во время войны уцелел, и бабушка Свету на всё лето в Стрельну увозила, поила коровьим молоком из соседнего совхоза, чтобы крепенькой росла, а то больно щуплая. Бабушка хоть и из простых, но знала – надо девочке образование дать хорошее, и с малолетства книжки ей всякие читала, и по музеям таскала: «Пусть привыкает, смотрит на прекрасное, глядишь, и толк будет».

Светлана и сама к знаниям тянулась, только ненавидела всё вокруг себя: и коммуналку облезлую, и их комнатку 25-метровую на четверых в промзоне на Лиговском проспекте, и вечно осоловевшие лица пьяненьких родителей. Она и училась отлично, чтобы, упаси господи, классная не надумала домой прийти. На собраниях только бабушка присутство-

вала, и никто и догадаться не мог, в каких условиях ей жить приходилось.

Школу с золотой медалью окончила, в Первый мед поступила. Хотела в общагу переехать, так бабулю не оставить – ближе не было человека. Когда на третьем курсе училась, сердце бабушки остановилось – из-за сына, скорее всего. Отца один раз чуть с работы не выгнали, частенько выпивший стал выходить. Жалели, мужик-то в целом мировой и всю блокаду у станка на Кировском простоял. Света не долго с ними протянула, ушла в общагу. Стипендия есть, проживёт.

Порой ей так обидно становилось, что в неправильной семье родилась, казалось, свершилась какая-то чудовищная несправедливость, не её эта участь. В общежитии ещё девочки попроще жили, кто откуда понаехал, и не из сильно обеспеченных. А на курсе, да и во всём меде, полно было из хороших семей. Им она сильно завидовала, и раздражали они её прилично, особенно тем, что учились посредственно. Не надо выживать, как ей! Мучительно думала, какую специализацию выбрать: стоматологию или гинекологию – только там самые подарки от пациентов. А хирургам вечно бутылку коньяка прут! Света алкоголь на дух не переносила и поддатых тем более.

После института по распределению не уехала в тьмутаракань, в Ленинграде осталась, в родильный дом определили – в Снегирёвку на улице Маяковского, в самом центре. Видно, не все хорошие места по блату раздавали, и её красный ди-

плом силу имел.

К родителям возвращаться в её планы не входило, да и виделись они редко. Сняла комнату опять же в заброшенной коммуналке с девочкой, которую знала по курсу; близки не были, но проживать совместно можно, и деньги за жильё пополам. Учёба и зубрёжка отнимали всё свободное время, пошла работать – посвободней стала, а куда податься, не знает. В её возрасте все о замужестве думают, а то и детей имеют.

Света мужикам не нравилась – холодная и не красавица. Тошная, кожа да кости! Лифчик в универмаге подобрать не могла: не делают чашечки такого размера! Приходилось в детском отделе майки мальчишеские покупать, которые на чисто грудь плоской делали, словно нет её вовсе, а подкладывать что-нибудь для вида не в её правилах было: что есть, то есть.

В роддоме три года проработала, ушла в районную поликлинику. Там и встретила Петю, Петра Алексеевича. Он был лор, и лор не простой, а один из лучших, по призванию. Многие его на дом вызывали – лор в промозглом Ленинграде чуть ли не самый важный врач: все чихают да горлом страдают, особенно в межсезонье. Деньги брал, хоть и не по закону было. Женат, но с детьми не сложилось. И на пятнадцать лет старше Светы. Супруга его, с необычным именем Летиция, служила искусствоведом в Русском музее и часто перед самым концом работы за ним заезжала. С площади Искусств до Пети рукой подать, и шли они пешком до ближайшего

метро – в троллейбусах трястись не любили, – а Светлана следом, на расстоянии, не специально, получалось так. Она шла и не могла сдерживать злости, даже губы больно прикусывала. На что сдался ей этот взрослый полноватый мужчина, да ещё и несвободный?! Ей почему-то казалось, что именно он иногда смотрит на неё как-то по-особенному, заинтересованно. Скорее всего, это была его врождённая мягкость, но Светлане так думать не хотелось. Вот выделяет он её, и всё тут, просто робеет. Летиция, или просто Лютик, как он часто называл супругу, была одного с ним возраста и вовсе не красавица, если не сказать страшенькая. Света тоже не ах, но молодая и упёртая и всё сделает, на всё пойдёт, а Пётр Алексеевич её будет. Задача оказалась не из лёгких. То, что Петя может любить свою «некрасивую» жену, с которой уже столько лет бок о бок по жизни шёл, – Свете в голову не приходило. Целый год потратила, но своего добилась – всеми правдами и неправдами затащила к себе в постель. Поначалу бегала к нему как к лору за советом – что-то горло першит или насморк начинается. Песни ему хвалебные пела, в глаза с восхищением смотрела, аж дыхание задерживала. Всем своим пациентам нахваливала местного лора, а особо состоятельным советовала на дом приглашать – больше пользы будет – и обязательно её отметить, что порекомендовала. Иногда вытаскивала его в обеденный перерыв в кафешку напротив и с умилением поглядывала, как тот одну за другой уплетает сдобные булочки.

Самое интересное, что никакой влюблённости у неё и в помине не было, но цель есть цель, и очень надоело в коммуналке жить. Вдвоём они быстро на ноги встанут!

И вот так, тихо-тихо, не торопясь, дошло дело до того, что в гости к себе пригласила; уже сама могла комнату оплатить и коммуналку поприличней имела – соседей вдвое меньше. Пётр на чай шёл и просто посмотреть, как сослуживица живёт, не мог отказать, уж больно зазывала. А она целый концерт закатила со слезами и заламыванием рук, словно по Станиславскому, правдоподобно, что любит и жизни своей без него не мыслит. Пётр Алексеевич сначала успокаивать бросился, а потом и сам не понял, как на её узкой железной кровати оказался, и уместился ведь со своими немалыми габаритами. На следующий день прятался от Светланы, не хотел на глаза попадаться, а что дома пережил, только ему ведомо, стыдно было невероятно.

Светочка не отступила, хоть и потеряла свою девственность без особого желания, – продолжила охоту на строптивого Петра Алексеевича. Вскоре опять случай выдался – маленький сабантуй в честь дня рождения заведующей поликлиники. Может, от пары рюмок водки или ещё чего-то потянуло Петра на подвиги, и опять он очутился в комнатёнке у Светланы, которая предусмотрительно поменяла скрипучую железную односпальную кровать на добротную широкую тахту, хоть и заняла она почти всё пространство, и круглый стол с двумя стульями с середины комнаты перекочевал

к самой стене, впритык к платяному шкафу. На этот раз чувствовала она себя поуверенней и такое вытворяла, что сама себе удивилась, какая-то чертовщина полезла, и откуда взялась! Видно, в голове сидела, выхода не находила!

Теперь Пётр Алексеевич частенько не домой после работы торопился, а к Светочке – ненадолго. Жену заранее предупреждал, чтоб с работы за ним не заезжала – задержится подхалтурить. Лютик ждала и, если бы кто-то сказал, что Пётр, её Петенька, шашни завёл на стороне, никогда бы не поверила, даже если бы своими глазами увидела, решила бы – померещилось. Она давно замечала, что ходит он как не свой, и разговаривать почти перестали, и редко когда улыбнётся, слово камень на душе какой. Расспросить хотелось, но понимала: замкнулся Петюша, надо ждать, пока сам всё расскажет. А Пётр Алексеевич молчал – не было сил смотреть на дорогую сердцу растерянную Летицию, предательство и ложь не давали покоя ни днём ни ночью.

Светлана ходила на седьмом месяце беременности, скоро в декрет, а никаких подвижек со стороны Петра не наблюдалось. Правда, она сама решила, что рожать будет, и открылась ему, только когда три месяца исполнилось. Думала, одуреет от радости и без колебаний на развод подаст, а он так испугался! Ужас в глазах стоял, словно помер кто, аж противно стало. Не ожидала она такого поворота, но решила не давить, а поразмыслить хорошенько и придумать что-нибудь

этакое, верное, стопроцентное. На заверения Петра, что всегда заботиться о ней с ребёнком будет, лишь головой кивала, старалась ненавязчивой быть и тихой, словно в жертву себя приносит. Что в поликлинике все о них судачат, ей дела не было, ходила с гордо поднятой головой. Да и не жаловали её в коллективе, считая слишком высокомерной. Даже пациентки кривились, если к ней талончик выдавали – чёрствая, слова доброго не скажет, хоть специалист и неплохой.

Света давно знала, что проживает Пётр Алексеевич со своим Лютиком на набережной канала Грибоедова в красивом старом доме и квартира у них большая и отдельная. Принадлежала она изначально родителям Летиции, отец у неё известным кардиологом был, с учёными степенями и научными трудами. Несколько лет назад отец Летиции, Соломон Маркович, неожиданно скончался. Кардиолог, а сам от сердечного приступа не уберётся, хоть и жену свою на пять лет пережил. Светлана не раз пыталась представить, как живётся Пете в таких хоромах и как там всё устроено, – не доводилось ей в богатых домах бывать. Если разводиться будет, то по закону половина им с Петей достанется, а кому ещё? Детей-то у него, слава богу, нет, так что всё по совести вроде. От беременности своей Света приятно округлилась, и даже грудь какая-никакая появилась, чему она несказанно рада была, а животу тяжёлому не очень – не понимала она, по большому счёту, чем восторгаться – одно неудобство.

То ли гормоны в голову ударили, то ли ждать надоело, ули-

чила она момент, когда на работе большое собрание устраивали, отпросилась, второпях пальто натянула, которое уже совсем с трудом застёгивалось, и поехала на канал Грибоедова правду искать – с полной уверенностью, что Лютик ненавистный уже дома, Петеньку дожидается.

Света не ошиблась, дом действительно был необычным, и по окнам видно, что почти все квартиры отдельные, скорее всего, за заслуги выдавались от государства. Внизу у лифта вахтёрша сидела и, как положено, спрашивала, к кому и в какую квартиру. Вид беременной молодой женщины совсем не насторожил, и она спокойно пропустила Свету и сказала, чтобы на третий этаж поднималась. В лифте стало не по себе, решение-то спонтанно пришло, даже не подготовилась, с чего начать разговор. Что, если только рот откроет, а эта старуха её сразу с лестницы спустит?

«Не посмеет!» – убеждала себя Светлана и, как бы в доказательство, схватилась двумя руками за круг лый живот и чуть не уронила сумку на мокрый от талого снега пол. Постояла пару минут у дверей, даже уйти захотелось, потом со всей силы решительно несколько раз нажала на звонок. Сердце колотилось, в животе заворочался ребёнок и внезапно затих, словно испугался чего. Дверь отворилась, и она впервые так близко увидела Лютика. Она действительно была не очень красивой, но во всём облике была какая-то опрятность, собранность и уверенный взгляд, по всей видимости, далеко не глупого человека.

– Меня зовут Светлана. Разрешите войти? Мне поговорить надо.

По лицу Летиции Соломоновны ровном счётом ничего было не понятно: ни вопроса, ни удивления.

– Проходите. Вам, наверно, трудно разуваться? Вы просто вытрите о коврик сапожки.

Она пригласила Светлану на кухню и любезно предложила присесть, учтиво отодвинув стул от большого дубового стола с белой скатертью, вышитой цветной гладью по краю.

Свете хотелось всё разглядеть, и она крутила головой, скользя взглядом по картинам на стенах, по статуэткам, расставленным на подоконнике окна, которое обрамляли пена невесомой тюли и тяжёлые гардины, перехваченные затейливыми кистями: «Если у них такая кухня, представляю, какая гостиная! Скорее всего, она точно есть, не всю же площадь на кухню грохнули!»

– Я вас слушаю... Может, чаю хотите?

Её неподдельное спокойствие и манеры повергли Свету в уныние: «И не такая уж она и страшная, если приглядеться!»

– Даже не знаю, с чего начать...

Светлана набралась смелости и почти вызывающе громко произнесла самые важные слова:

– Я жду ребёнка от Петра Алексеевича. И вы должны отпустить его! Всё равно у вас детей нет и уже точно никогда не будет!

Летиция так и не успела присесть рядом, стояла молча и

рассматривала странную женщину, которая неизвестно откуда появилась и несла какую-то чушь.

– Что вы говорите?! Опомнитесь! Быть такого не может!

Светлана была готова ко всему: крикам, оскорблениям, слезам, расспросам, но такой реакции она никак не ожидала. По всему было понятно, Летиция Соломоновна никакие разговоры вести не собирается и всем своим видом показывает, что Свете надо уйти, даже медленно пошла по коридору в сторону выхода. Светлане ничего не оставалось делать, как последовать за ней, и уже в дверях зло бросила:

– А вы у своего мужа обо всё расспросите! Чушь это или не чушь? – и зачем-то нагло улыбнулась, специально, чтобы не задавалась.

Уже на улице стало обидно и очень жалко себя.

А что, если Летиция простит его, и он так ни на что и не решится, и будет только ребёнка по выходным навещать и какие-то копейки на её круглом убогом столике оставлять как подачку?! Он же сам без отца вырос, наверное, не сладко было. Вот на это и надо давить! Ничего, если нужно, и подождать можно, она терпеливая. Всё равно своего добьётся!

Стояла ленинградская оттепель, совсем не ко времени, и недавно выпавший снег превратился в грязную унылую кашу.

Внизу живота что-то покалывало: «Слишком большой плод, видно, давит куда-то, и уже давно сказали, что, скорее всего, девка будет».

Девочку она не хотела. Почему, не понимала сама. После новогодних идти в декрет. Ещё два месяца, и всё круто изменится. Одно дело – таскать ребёнка в животе, сидит там и сидит, другое – когда появится на свет и полностью перевернёт её привычную жизнь. Она даже имя не могла ей придумать, да и не старалась, словно не взаправду всё.

«Не Лютиком же назвать! – ей было смешно. – Интересно, что сегодня будет? Скорее всего, выгонят его взашей из дома!»

Она бы точно выгнала. И по морде его жирной ещё надавала.

Спустилась в метро, там душно – ей в последнее время везде душно, и одышка появилась. Все месяцы бегала, вообще не замечая никаких изменений, только вес рос и плакать хотелось. И на тебе!

По телеку показывали какую-то ерунду. Села книгу читать – не вникнуть, перед глазами Летиция. Ей было её не жаль, каждый за себя. Сама виновата, нечего так мужику доверять. Неужели ничего не замечала?! Вот она бы сразу раскусила Петеньку! Потом стало немного страшно. Что-то всё-таки было во всём этом нехорошее. Она не хотела ковыряться в моральной стороне вопроса. «Сделала – значит, сделала!»

Батареи топили на всю мощь, а на улице чуть ли не дождь вместо снега, и термометр за окном показывал плюс пять. Сначала открыла форточку, потом окно, стало полегче. На

кухне сразу две соседки копошились у своих столов, что-то стряпали и оживлённо спорили о том, из чего делают докторскую колбасу. Одна твердила, что точно из бумаги. Светлану затошнило. Они даже не обратили на неё внимание – так завелось с самых первых дней, когда она въехала. Ей пришлось представиться родственницей хозяйки комнаты – сдавать за деньги нельзя, да и проживать не по прописке вроде как не положено. Поначалу соседи приветливо встретили Свету, но отклика у неё не нашли – ни за жизнь поговорить, ни посплетничать, и от рюмки всегда голову воротит, неправильная, одно уважение, что врач. В холодильнике уныло стояла недопитая бутылка кефира и точно оставалась пара слоев, пусть и не совсем свежих, но вполне съедобных. Готовить себе так и не научилась, особенно после общаги, когда сидишь на сосисках и яичнице с теми же сосисками.

«Лютик, поди, Петю обхаживает! Вон в каких свежих рубашках на работу приходит, и ботинки всегда как зеркальные блестят. Не сам же он всё это делает?!»

Света частенько разговор на неё переводила – ни разу не поддержал. Однажды лягнула – не выдержала, – что страшная она. Так он как рак покраснел и чуть заикаться не начал, и всё твердил:

– Не смей о ней плохо говорить! Она золотой человек! Не смей!

Вот сейчас и посмотрим, какой она *золотой человек*! Было девять вечера. Точно пришёл! Скоро концерт на канале

Грибоедова начнётся!

Свой телефон Пётр не давал и звонил только с работы или с улицы. Правда, Светлана его в регистратуре тайком подглядела и даже несколько раз звонила и в трубку молчала, а на другом конце думали, что не соединилось.

Можно подумать, не слышно, что дышит кто-то!

Во всяком случае, Петя никогда не спрашивал, она ли это. Сама бы никогда не призналась, расчёт имела, что эта дура наконец-то глаза раскроет и включит воображение – поймёт, что у её Петеньки давно баба завелась и с последствиями. Захотелось ещё раз набрать, подышать в трубку ради смеха – не стала, очень уж очевидно будет.

На следующий день выходила в утро, полно записи: и в коридоре на стульях, и просто стоя ожидали своей очереди женщины, каждая со своей проблемой. Светлане было не до них, она монотонно выполняла свою работу, а в душе – тревога и беспокойство. Пётр ни разу не проявил своего присутствия, будто его и не было никогда в помине.

«Не может быть, по четвергам он, как и я, в утро. Может, что изменилось, и я просто не знаю? – с трудом отработала, спину ломило, и немного стали отекать ноги. – Вот тебе и токсикоз второй половины беременности! Надо мочу на белок сдать и за давлением понаблюдать. Что-то сильно жажда мучает!»

Пётр Алексеевич так и не появился, хотя на работе был – в регистратуре девчонки сказали и между собой перегляды-

вались:

– приём закончил и убежал, спешил куда-то...

Дома Пётр Алексеевич пошёл в отказ и категорически заявил, что всё, о чём поведала чокнутая Светлана, – чистая ложь и с ней его ничего не связывает. Да она уже длительное время не даёт ему прохода! И он было успокоился, когда увидел, что та в положении, но, видно, недооценил эту странную особу. И все на работе знают, что она не в себе! Таких лечить надо!

Он так убедительно возмущался, что Летиция, несмотря на здравый смысл, с радостью приняла все Петины заверения и даже как вариант предложила сменить работу.

– Неужели такое бывает?! Ну как же можно быть беременной от одного и ссылаться на другого?! Это же полная несуразица! Ты точно всё мне рассказал?

Она пристально всматривалась в его глаза и понимала: у неё есть только один выход – поверить. Желания что-либо выяснять и ставить слова мужа под сомнение не было – наверное, от страха. Конечно, неприятно. Коли эта девица нагло заявила к ним домой, значит, и на работе у Петра все об этом судачат. Ситуация выглядела несимпатичной, хотелось выкинуть её из головы. В поликлинику к нему она больше не пойдёт, во всяком случае, пока не стихнут сплетни.

По-любому всё казалось странным, словно не с ними происходит. Никогда ничего подобного не случалось, всегда жи-

ли душа в душу, и много интересов общих, и друзей разных, дом, дача в Разливе родительская, горки с цветами, кусты смородины с крыжовником. Детей иметь не сложилось, два раза подряд внематочная – и стала она пустоцветом. Ей хотелось из детского дома малыша взять, Пётр был категорически против.

– Нет – значит, нет, и не будем к этому вопросу возвращаться, нам и вдвоём хорошо.

Все попытки Светланы поговорить с Петром успехом не увенчались, он извинялся и бормотал, что занят. И как ему каждый раз удавалось ускользнуть с работы незамеченным, оставалось загадкой. Она звонила ему пару раз домой, подходили, слышали её голос и вешали трубку. Душила ненависть, и от того поднималось давление: «Точно гестоз, не иначе! Не дай бог, в больницу загремлю! И зачем мне эти испытания?! Ну, ничего! Вот рожу и посмотрим! Ещё сам будет бегать, просить с ребёнком повидаться, старая свинья».

Новый год решила с родителями справить. Они ахнули, когда круглая Светлана завалилась к ним как снег на голову. Она им ни слова не говорила, что ребёнка ждёт, созванивались редко, а видеться не виделись сто лет. Расспрашивать не стали – понятно, что личная жизнь не устроена, иначе зачем бы к ним на Новый год пришла. Значит, не с кем больше отпраздновать. В 25-метровой комнате ничего не изменилось, только кровать выбросили, где они с бабушкой спали. Хоть попросторней стало.

– Ты ребёночка-то к нам пропиши, и в очередь на жильё встать сможем, глядишь, и дадут быстро. И от бабушки домик остался. Кому он, правда, нужен, развалюха совсем... А то, может, к нам переедешь? Я в этом году на пенсию выхожу, подсоблю как-никак. Что тебе одной среди чужих маяться? А тут всё детство твоё прошло, – мать по-доброму улыбалась своим почти беззубым ртом, отчего мурашки у Светы побежали – скорее, от нехорошей жалости к этой глупой женщине, которая добровольно себя до такого состояния довела.

Отец молча сидел за столом и в разговор не вмешивался, уставился в телевизор и по-хозяйски нервно подливал водочку.

– Ну что вы за стол не садитесь? Расположитесь и кудахтайте, сколько влезет... Выпьешь чуток, праздник никак?!

Не дождавшись ответа, чокнулся по обычаю с верной спутницей, влил в себя рюмку, скривился для порядка и затолкал в рот большой кусок слегка подветренной ветчины – видно, со вчерашнего застолья осталась.

Никуда она, конечно, не переедет, ребёнка непременно с ним пропишет, больше некуда, а жить отдельно будет.

После праздников ещё неделю проработала, декрет оформила. Несколько раз подходила к кабинету, где Пётр Алексеевич принимал, поговорить хотела, но так и не решилась. Много было способов на него повлиять или просто райскую жизнь устроить – не время. А что мучается он и страдает, была уверена.

Пётр действительно страдал и корил себя, что вляпался в такую непростую историю. Вздохнул немного, когда Светлана в декрет ушла, но до конца не отпустило, и дома неуютно стало, живёт и не живёт. Был у него близкий друг Толян ещё с молодости, по соседству жили. Толя мореходку окончил, капитаном на грузовом ходил, и рейсы долгие: и на полгода, и больше. Гулёна ещё тот, мужик видный, но семью превыше всего ставил, особенно детей Машеньку и Михаила. Был у них обычай: как только из длительного рейса причалит, первым делом – к другу закадычному. Летиция ему рада, балагур и душа компании, всегда с интересными историями. Если выпадало на празднике ему в Ленинграде быть, всей семьёй к ним приезжали, допоздна сидели, молодость вспоминали. Вот и на этот раз сразу чуть ли не с трапа другу позвонил:

– Ну что, старик, завтра к вечеру заеду, поляну накрывай!

Лютик с вечера всего наготовила – знала, как дороги Петеньке эти встречи, а сама предупредила, что в музее задержится, не отвертеться, выставку русских передвижников готовит.

Как на руку неожиданно всё устроилось, спокойно с Толиком поговорить сможет: «Нет сил в себе держать! Может, насоветует чего?»

Анатолий мрачный стал, долго не знал, что ответить на такое признание.

– Ну ты и вляпался! Что гулял, дело обычное, сам гре-

шу. Но чтобы до такого довести! Видно, баба тебе непростая попалась. У меня у второго помощника такая же ситуация. Правда, та ничего не хотела: сама рожу, сама воспитаю, нет претензий. У твоей расчёт есть, уверен. Понимает, что детей нет и всё такое. Не отстанет от тебя. И оставлять её с ребёнком тоже не дело. Помогать по-любому надо! Сможешь спать спокойно, зная, что твоя кровь где-то живёт, и ты вот так отстранился, вроде как ни при чём?

– Нет! Не смогу! – Пётр Алексеевич тяжело вздохнул. – Не люблю я её! Что на меня нашло?! Чёрт попутал! Ведь знал, что нельзя на работе такое разводить. Как так всё получилось?! Не вернуть ничего назад, придётся платить за грехи свои и ценой немалой. По улице иду, малыша увижу, сердце плачет. Сколько раз представлял, как это будет, когда впервые на руки возьму! Дышать перестаю! Иногда прячу всё от себя за семью замками. Так куда там! Вылезает из всех щелей. Она сейчас в декрете, уже скоро месяц. А я понятия не имею, как она, в чём поддержка нужна?! Подлец я, Толян, как есть подлец, сам без отца вырос.

Целую неделю Пётр собирался с силами на что-нибудь решиться, потом в один день после работы не выдержал и, как ни было трудно, направился напрямиком к Светлане. По дороге в кондитерскую заскочил купить что-нибудь к чаю и у цветочного остановился в раздумье, но цветы брать не стал, чтобы повода не давать к мыслям разным.

Светлана была дома и как ни в чём не бывало встретила

его более чем радушно, без обид и выговоров. Выглядела она совсем неплохо, только непривычно поправилась и притихла беспомощно.

– Ну как ты? Последние недели дохаживаешь, тяжело, наверно? Что в консультации говорят? Всё нормально? – он огляделся. – Времени совсем мало осталось, а у тебя ничего не приготовлено, ни кровати, ни коляски. Напиши список, что надо, я потихоньку со всем справлюсь. Только подробно пиши, сколько того, другого. Я ведь в этом совсем не понимаю. Вот давай садись, бери листок, ручку и пиши.

– Вот прямо сейчас? – Света закапризничала, как маленькая, и стала отыскивать тетрадку с чистыми листками. – Ты пиши, а я диктовать буду!

Она протянула ручку и уселась за стол напротив.

– Ну хорошо! – улыбнулся Пётр Алексеевич. – Начинай!

Он старательно выводил: *пелёнки тёплые – 10 штук, распашонки, чепчики, шапочка шерстяная гулять, одеяло фланелевое... два...*

– Ничего себе, сколько всего надо! – удивлялся и пыхтел от старания.

– Так это ещё не всё! И рожки, и соски, и ванночка купать, и термометр, и газовая трубочка...

– Сдаётся, что и за две недели не справлюсь!

– Нет уж, Петенька, вызвался помогать – помогай. А мне, между прочим, ещё всё перестирать и перегладить.

– Интересно, каждая женщина знает, что купить надо на

случай рождения ребёнка, или только гинекологи-акушеры? Вот я как врач-лор ничего об этом не знаю!

– В женской консультации информацию выдадут, не переживай, – Светлана смеялась вместе с ним, а в голове змейки ползали, что всё складывается, и не зря она надежду имела и столько слёз пролила – найдёт подход.

Они встречались чуть ли не каждый день и носились по магазинам, а потом, нагружённые пакетами и сумками, повадились заходить в кафе «Ленинград» на Невском, и Света, по обыкновению, заказывала сосиски с пюре и с зелёным горошком. Петя ворчал, что ест она неправильную пищу, ей бы творога побольше и витаминов разных. Он сильно увлёкся приятными заботами и совсем потерял голову, всё было каким-то новым, неизведанным, волнующим. Хорошо Лютику было не до него, всё своей выставкой ответственной занималась, день на день откроется. Кроватку и коляску было решено купить, когда Светлану в роддом увезут, так удобней и суеты меньше.

Девочка родилась февральским утром.

Уже накануне Петру Алексеевичу беспокойно стало – как почувствовал, что скоро совсем. На следующий день перед работой зашёл – соседи говорят, увезли в Снегирёвку, где Светлана и сама несколько лет проработала. Помчался, даже в поликлинику не отзвонился, что опоздает. В роддоме и сообщили, что родила дочку и самочувствие у них нормаль-

ное, а повидаться не получится, не положено.

– Да не волнуйтесь вы так! Срок придёт и заберёте внучку в целости и сохранности. Что вы, мужики, такие нервные?!

– Это дочка моя! – с обидой отчеканил Пётр и твёрдой поступью пошёл на выход.

«Ничего себе я выгляжу! Совсем замотался. Может, оттого что небритый?..»

Сердобольная бабулька-уборщица полы намывала, расчувствовалась, посоветовала, куда идти и в какие окна покричать, даже проводить вызвалась:

– Если дитя на кормление принесут, то и покажут ребёночка через окошко. Правда, что там разглядишь?! Так, для спокойствия...

Пётр Алексеевич кричать, звать Светлану не стал – неловко, не пацан. Узнал, когда выписка ожидается, и на работу поспешил. Весь день места себе не находил, Анатолию несколько раз трезвонил, чертыхался, что дома нет, хотел новостью поделиться – отцом стал. Только к вечеру дозвонился.

– Где болтаешься?! Толяяяя! Дочка у меня родилась! Три пятьсот! Может, встретимся? Ну, как это принято, ножки обмоем.

– Что ты кричишь, как сумасшедший! – смеялся Анатолий. – Не ножки, а пяточки! Поздравляю тебя, старик! Дети – это хорошо. А матери скажешь? Дело тонкое, понимаю... Такое событие радостное, и поделиться ни с кем не можешь!

– С тобой же поделился! Мне и хватит.

Накатила тревога, прав друг. Что впереди ждёт? Теперь во лжи жить придётся и изворачиваться по любому поводу. Привыкнет, может? Как-нибудь устроится, не он первый в такой истории оказался. Главное, Лютика от всего уберечь. Это что получается, теперь у него две семьи? Дожил! Надо приспособливаться, другого выхода нет. Дочку любить будет, а на другое пусть не рассчитывает, никогда из дома не уйдёт. Ему страшно стало от одной мысли, что Летиции больше нет в его жизни – нервы как голые, только подумает.

В коммуналке у Светы никто не удивился, когда кровать детскую привёз и шваброй орудовал. Всё делать умел, матери всегда по хозяйству помогал. Это как женился, всё поменялось. Забыл, как пуговицу пришить и еду разогреть.

– Навыки не потерял! – развеселился, аж присвистывать какую-то въедливую мелодию начал. – Глядишь, и живот поменьше станет от таких физических нагрузок!

В день выписки всю ночь не спал, ворочался, вставал, на кухню топал воды попить. Лютик беспокоилась:

– Что с тобой, Петь? Может, недомогаешь? Хочешь, чаю заварю свежего с малиной?

Утром с работы отпросился, напридумывал историю какую-то – мать в больницу ложится, помочь надо. Ничего более вразумительного не пришло в голову, и опять противен сам себе стал, что маму приплёл, даже три раза суеверно сплюнул.

Первый раз Светлане цветы купил, гвоздики красные – других цветов не было, не лето на дворе. Стоял, нервничал, взад-вперёд ходил, ждал, пока вещи заберут для новорождённой.

– Кто за Спиридоновой пришёл? – выкрикнула медсестра, оглядывая собравшихся.

Пётр Анатольевич растерялся, потом опомнился, подбежал.

– Светлана Васильевна Спиридонова? Да? Я встречаю! – он непонятно зачем протянул гвоздики.

– Это вы Спиридоновой вручите! Мне-то за что? – засмеялась сестра. – Вещи давайте и ожидайте. Скоро выйдут!

Схватила второпях мешок и побежала на второй этаж – большая выписка, зашивалась.

Он не сразу узнал Свету: вполовину меньше стала и уставшая – под глазами синяки, и улыбка вымученная, несчастливая. Рядом медсестра с малышкой на руках. Сразу видно – девочка, одеяло ватное лентами розовыми перевязано, и один уголок личико прикрывает.

– Подойдите поближе! Не бойтесь! – медсестра приоткрыла лицо малышки и заулыбалась Петру Алексеевичу. – Копия! Держите, папаша! Да не прижимайте так сильно! Тихонько!

Света молча наблюдала, как у Петра руки трясутся от радости и страха.

И началась у него новая жизнь. Как белка в колесе вертит-

ся: и продуктов купить, и детского питания. Молока своего так и не появилось, Светлана и не старалась – на второй день после выписки грудь туго перевязала и даже то, что было, сцеживать не захотела.

Петя сразу Танечкой дочку звать начал, нравилось ему это имя – Татьяна – звучное. Света равнодушно отнеслась – Таня так Таня, какая разница. Не сильно рада была её появлению, ещё и врождённый сколиоз обнаружили, приличная деформация, и только прогрессировать начнёт, сомнений не было.

– Даже тут всё не по-людски! – злилась Светлана.

И зачем ей ребёнок такой, не выправится уже, может, чуть лучше станет, но полноценной – никогда.

Пётр Алексеевич и хорошего массажиста нашёл, и профессора к Танечке таскал. Обещали, что всё возможное сделают. Скорее обнадеживали, он-то знает, что это такое. И опять себя винил – то ли слишком зрелый, детей плодить, а может, и в наказание. Почти каждый вечер купать приезжал, а если пораньше получалось, то и погуляет гордо с колясочкой во дворе. Такую невероятную теплоту к дочери испытывал, сердце от нежности заходило. Ещё и бегать на халтуру, деньги нужны, дочка растёт. Лютик решила на курсы английского пойти, так он так за эту идею ухватился, что в обязательном порядке рекомендовал, – и ему лазейка почаще дочку навещать.

При такой круговерти домой поздно заваливался, уставший и разбитый. Давно гостей не звали, даже по выходным, –

ссылался, что вызовов много и в разных концах города, не до веселья.

– Ты куда пропал, Петь? Мне в рейс надолго уходить, а мы всё свидеться не можем. Как там у тебя? Справляешься? – Толику хотелось пошутить, что нелегко султаном быть, двух жён тянуть, но не стал, не по делу, и так другу нелегко.

– Вот ты скажи мне, как на духу, стал бы в такое влезать, знай, что так всё обернётся? – допытывался Анатолий.

– Честно? Я от Танечки отказаться не могу. Очень привык, не мыслю, что нет её. Знаешь, какая она славная! И меня узнаёт. Вот прихожу, подойду к кровати, она смотрит на меня сначала серьёзно, а потом как улыбнётся и ножками бьёт от радости. Так быстро растёт, не представляешь! Если день не бываю, то просто не живу. Что я тебе рассказываю! У тебя таких двое выросли.

– Я в рейсах всё время был. И по-человечески у меня... Семья! Это у тебя на разрыв мозга ситуация, оттого так остро всё и воспринимаешь. Со Светланой-то как?

– Да никак! Чужие, и она холодная. У нас и близости-то нет. Она не просит, ну и я как-то спокойно. А с Летицией у нас всегда с этим вопросом непросто было. Любить – любим, а дальше сложно. Как-то в своё время на самотёк всё пустили и отдалились друг от друга. Может, поэтому и со Светой так получилось, что не хватало чего-то. А начинать поздно, не знаю, с какой стороны подступиться. Ей и не надо этого. Так что скоро стану я девственником в свои сорок с лишним.

Вроде и не возраст?! Ты как думаешь?

Толик усмехнулся.

– У меня таких проблем нет! Я без этого не могу! И моя в этом вопросе покладистая, и на судне постоянная есть. Мужик без этого дела не мужик! Так что пересмотри своё отношение. И самому надо быть поактивней, как старый дед разнылся, слушать противно.

А Светлана всё же в один день одумалась и решила, что слишком строго она с Петром поступает: хоть глаза бы его не видели, но надо поласковой быть, вдруг надоест ему всё, и останется она с дочкой-калекой одна, хоть врачи и успокаивали – разрастётся, вытянется, не так заметен дефект будет:

– Подождите, ещё красавицей станет, главное, чтобы смышлёной была!

Пётр Алексеевич на целый август под Зеленогорском в санаторий Свету с дочкой определил: сосны, залив, песочек золотой. Сам только по выходным приезжал, нагруженный всякой всячиной.

Светлане на работу хотелось – отсидит год положенный и выйдет, мочи нет, надо ясли подыскивать по прописке. Петя против:

– Я же обеспечиваю вас. Пусть ребёнок окрепнет, постарше станет, сам себя хоть как-то обслуживать начнёт. Думаешь, очень в яслях за малышами следят? Простуда, сопли! Вот увидишь, только на больничном и будешь сидеть.

Танечка быстро развивалась. В годик пошла. Так вроде смотришь – ребёнок как ребёнок, милый, и не видно, что спинка неровная, если платьице свободное. В полтора стишки уже читает, смешно картавит, но старается, забавно у неё получается. Отца увидит – и бегом на руки. Обхватит сильно, к себе прижмёт, головку набок положит и притихнет, а глазки смеются, хитрющие.

Лютик пригласила двоюродную сестру из Владивостока, и та уже целую неделю гостила у них дома. Никаких отговорок не принималось, и частные визиты Петру на время настоятельно рекомендовалось отложить – мотается все дни, не передохнёт, да и перед родственницей неловко.

Летиция закатывала вечерние ужины с посиделками, брала билеты на концерты и спектакли, и Петру Алексеевичу приходилось волей-неволей сопровождать дам. Отношения со Светланой накалялись, и она периодически закатывала дикие скандалы, которые обязательно заканчивались слезами. Ему было жаль её, и мысль, куда двигаться дальше, тяготила и висела над ним грозовой тучей. Больно было осознавать, что его ребёнок так и живёт в страшной коммуналке, а он бессовестно наслаждается в просторной квартире на канале Грибоедова, с окнами на Банковский мостик. Он предлагал присмотреть что-нибудь другое, но Светлана категорически отказывалась – скорее всего, из желания сделать больно. Эта облезлая комнатёнка с невообразимым количеством

соседей была ему немим укором за нерешительность и нежелание менять что-либо в своей жизни. В итоге согласился отдать Танечку в ясли, думая: так будет лучше. Света начала срываться на малышке по любому поводу. Однажды не выдержала и при нём схватила её больно за волосы. У Петра всё потемнело в глазах, чуть руку не поднял и пригрозил, что если ещё раз увидит, то примет крайние меры. Света лишь нагло рассмеялась:

– Какие меры? Спятил что ли? К Лютику побежишь жаловаться? Да кто ты вообще нам? Никто! Ты даже ребёнка на свою фамилию не записал! – она любила трясти перед его носом Танюшиным свидетельством о рождении и тыкать пальцем в графу «отец», где красовался унижительный прочерк.

На свою прежнюю работу Светлана не вернулась, устроилась в женскую консультацию в другом районе, и ей приходилось тратить на дорогу гораздо больше времени. Как и предполагал Пётр, с больничного по уходу за ребёнком Света не вылезала. Таня часто простужалась, даже схватила двустороннее воспаление лёгких, скорее всего, по недосмотру, в чём он ничуть не сомневался. У Петра Алексеевича появился самый важный пациент – его собственная дочь, и он сначала торопился к ней, а уж потом по всем остальным вызовам. От такой чрезмерной заботы у Светланы кроме раздражения никакой другой реакции не случалось:

– Не легче участкового врача вызвать, в то время как самому съездить туда, где заплатят?!

Нельзя сказать, что он был начисто лишён чувств к этой взбалмошной женщине. Она становилась въедливой привычкой и, как ни крути, была матерью его единственного ребёнка, притом бесконечно любимого.

Пётр к Тане никогда без подарков не приходил, хоть яблок по дороге купит. Хотелось что-нибудь на два годика особенное подарить. Приглядывался. Мимо «Пассажа» проходил, не выдержал, заскочил – и напрямик в детский отдел, может, оттого что давно дочку не навещал.

Ему сразу бросился в глаза манекен в капроновом платье нежно-розового цвета с вышитыми розочками по подолу. В представлении Петра Алексеевича это был чисто наряд принцессы, и такого платья у Танечки ещё никогда не было. Он решил взять на четыре года, чтобы поносила подольше и спинка сутулая не так заметна. Платье импортное, то ли польское, то ли ещё из какой дружественной социалистической страны, и он считал, ему крупно подвезло – видно, только выбросили, и он на счастливый случай оказался в правильное время. Улыбчивая продавщица, на редкость вежливая и внимательная, аккуратно завернула обновку в бумагу, и Пётр Алексеевич, довольный, уложил дорогой свёрток в рабочий портфель. Выйдя на улицу, опомнился и посмотрел на часы: опаздывает, дома ждут – очередной поход в филармонию намечается.

– Ничего! – решил он. Незаметно припрячет свёрток или,

на худой конец, оставит в портфеле. Сестра Лютика уезжала рано утром, а он – на работу и после уж обязательно к Свете, ребёнка навещать, там и оставит подарок до срока.

Летиция, одетая в чёрное строгое платье, с ниточкой жемчуга на шее, нетерпеливо ждала.

– Я две минутки! Только рубашку чистую накину и готов! Троллейбус долго ждал! – по привычке соврал Пётр и направился в кабинет прятать портфель.

В филармонии давали скрипичный концерт. Он обожал скрипку, но сегодня было не до неё: что-то мучило, и на душе было беспокойно. На сцене царил Павел Леонидович Коган, сын всемирно известного скрипача Леонида Когана. Лютик то и дело искала его руку и тихо улыбалась, всем видом показывая, как необыкновенно звучит инструмент. Ей было приятно, что она всё-таки достала билеты на этот долгожданный концерт. Ещё в молодости с отцом слушала виртуозную игру Леонида Когана, роняла слёзы, особенно когда он исполнял Паганини. Летиция была уверена – именно так играл Паганини, и во всём этом было что-то демоническое, словно высшие силы давали скрипачу невероятный дар извлекать такие сильные по своей чувственности звуки. В перерыве они пили «Советское шампанское», заедая, по обыкновению, бутербродами с «Московской» копчёной колбасой и ленинградскими эклерами с шоколадной глазурью, которые безмерно любила сестра Лютика, и горевала, что таких во Владивостоке нет, а она сладкоежка, ещё и какая. Лютик

накупила ей в дорогу зефира, невероятное количество шоколадных конфет фабрики им. Крупской – и «Мишку на севере», и «Кара-Кум», и «Грильяж», и «Белочку» – и не могла понять, как всё это добро сестра потащит с собой.

Дома сели пить чай. Пётр, по обыкновению, разговаривал сам с собой, как последнее время случалось нередко, и его взгляд невольно застыл на Летиции: «Почему так получилось? Почему здесь есть то, чего нет там, и наоборот? Что, если бы не было Светланы, а была только Танечка, и они жили бы вот так дружно и размеренно все вместе в этом уютном доме?» Он был уверен – дочке было бы гораздо лучше с Лютиком. Иногда казалось, что Таня больше похожа на неё, чем на свою мать, и они бы точно поладили. Он представил, как малышка сидит в детском креслице напротив, болтает ножками и, наклонив головку набок, хитро улыбается и уплетает эклер.

– Петь! – ласково окликнула Летиция. – И где ты опять летаешь? Что с лицом? Откуда такое скорбное выражение? На тебя такое впечатление произвёл концерт? Что-то раньше такого не случалось! Стареешь, что ли?

Она смеялась и поправляла жемчужную ниточку. В такие минуты она была самая что ни на есть красавица. Пётр считал, что у неё своя красота, неброская, неочевидная, проявлялась как переводная картинка, стоило ей только заговорить, сопровождая всё необыкновенной улыбкой, тёплым взглядом и неторопливым движением рук.

Их разделяла дочка, но что-то ещё, в чём он не желал признаваться. Со Светой у него была близость, без нежности, ласки, порой непристойная, от чего часто становилось неприятно, но он снова и снова хотел повторить эти ощущения. С Лютиком ничего подобного не было, появилось некое стеснение, совсем неестественное состояние двух людей, проживших столько лет вместе. Если бы в его жизни не случилась Светлана, никогда бы не пришло в голову анализировать и давать оценку их отношениям с женой, всё до невозможного казалось отличным.

Свояченица улетала утром. Петя откланялся и пошёл спать, обещая по возможности встать пораньше и ещё раз попрощаться.

Будить его никто не стал, Лютик закрыла за сестрой дверь, выпила кофе и уже хотела прилечь минут на тридцать, но какая-то сила потащила её напрямиком в Петин кабинет. На полу в укромном месте стоял портфель. И как она только его заметила?

– Вот зачем туда засунул?! – заворчала Летиция.

Портфель был непривычно набит.

– Ну что там у него? – она, не задумываясь, открыла и увидела свёрток.

Край свёртка был надорван, и оттуда виднелся кусочек розового капрона. Летиция в растерянности стояла над портфелем, не зная, что делать. Она не раз наводила в нём порядок, меняла халаты, но то, что она обнаружила, вызывало

интерес, и она не понимала, как поступить.

Может, Петюша готовит ей какой-нибудь сюрприз? Но ему доподлинно известно, что розовый она терпеть не может. Так что это может быть?! Не осознавая, что ей движет, она осторожно достала свёрток и медленно начала разворачивать. Это было маленькое детское платье. У неё было что-то подобное в детстве, только из натурального шёлка, а не из синтетики. Зачем? Может, кому-то из сослуживцев? Всякое бывает! Сослуживцев?! Он бы точно посоветовался или поручил ей... И тут она вспомнила Свету, которая бесцеремонно заявила к ней почти два года назад. Так это правда? Это его ребёнок? Или ничего не значащий подарок? Пётр говорил, что она больше в поликлинике не появлялась, скорее всего, родила и устроилась на другую работу. Вот совсем недавно был разговор – Летиция вдруг вспомнила эту странную женщину, и ей просто стало любопытно, как сложилась её жизнь... Что-то тяжёлое сдавило грудь, и закружилась голова. Хотелось побежать в спальню, растолкать мужа и заставить сказать правду, какой бы она ни была!

«От этого и поведение его стало необычным! И эти вечные вызовы допоздна, и по выходным до вечера нет дома. Такого же никогда не было!»

Почему она не подумала об этом раньше?! Отчего так слепо верила?! Он изменился, а она списывала на всё что угодно, но только не на это! Как бы он ни отнекивался, она не поверит! Тогда она заставила себя принять его слова за правду.

Надо дожидаться вечера и поговорить – спокойно, без надрыва и претензий... Срочно собираться и бежать из дома, иначе не выдержит!.. Не хотелось верить, хотелось получить разъяснения по всем вопросам. Ничего хорошего на этот раз она не услышит, слишком всё очевидно. Главное, чтобы Пётр не выкручивался и всё-таки нашёл в себе силы...

А если её подозрения оправдаются? Что, если это и есть самая настоящая правда? Светлана не врала в тот вечер, Летиция и тогда это почувствовала. Всё было настолько чудовищно несправедливо, вероломно, что она просто не захотела в это поверить.

Портфель был закрыт и стоял на том же месте, но свёрток явно разворачивали, и это могла сделать только Летиция, он сразу понял. Пётр тяжело опустился на маленькую старинную кушетку напротив окна и уставился в серо-сизое небо предрассветного Ленинграда. В квартире стояла тяжёлая тишина и лишь иногда слышался едва уловимый треск рассыхающейся от времени старинной мебели. Встать не хватало сил, он ничего не пытался придумать в своё оправдание. На этот раз он не сможет солгать, не захочет, не имеет права: «Господи, что я натворил! Как ей всё объяснить?! Она никогда не поймёт и вряд ли простит».

Позвонил Светлане. Та собиралась на работу. Извинился, что и сегодня прийти не получится, просил целовать Танюшу. Повесил трубку. Был уверен, сейчас начнётся истерика.

Слушать Светины вопли был не готов, всё переносится на завтра.

– Дурак! Так проколотся на ровном месте! Значит, это судьба. Рано или поздно... Какая разница... Пусть уж сейчас! Что будет, то будет.

Толик был далеко, искать поддержки не у кого. Мама точно не поддержит, и, скорее всего, это разобьёт ей сердце.

Алла Сергеевна обожала невестку за её ум, деликатность и за отношение к Петеньке. Она всегда отмечала, что её сын не только нашёл хорошую жену, но и приобрёл настоящую семью в лице родителей Лютика. Особенно благодарна была, что не ставили различий между своей дочерью и её сыном. Для Петра, лишённого отцовского плеча, это было важно и бесценно.

Алексей, отец Петра, погиб в первый год войны. Она даже не смогла проводить его на фронт. Уехала с сыном в Ташкент по настоятельному требованию мужа. Уже были те, кто самостоятельно покидал Ленинград, хотя в то, что произойдёт потом, не мог поверить никто. Лёша работал в конструкторском бюро – молодой увлечённый архитектор. После тридцать второго года правительством был разработан план по переустройству Ташкента, и он по работе много раз бывал там. Появились друзья, кто-то и к ним в Ленинград в гости приезжал. Она мечтала посмотреть Среднюю Азию, очарованная его рассказами. Только спустя время поняла, что он просто спасал её и Петеньку, и все его заверения, что совсем

скоро к ним придет, были лишь для того, чтобы не отказалась.

Алла Сергеевна хорошо запомнила их последний день, когда они все вместе бродили по Летнему саду. Май, солнце, в беседке военный духовой оркестр играет вальс. Пете всего одиннадцать... Назад в Ленинград она вернулась только к середине 1946-го. Родители остались в блокадном городе, от эвакуации категорически отказались. После известия о смерти мужа думала, никогда не вернётся в город на Неве, так будет легче. Работала учительницей русского и литературы, как и дома. Вернулась из-за сына и матери, отец умер за две недели до её приезда. А родителей Алексея не стало ещё в первую блокадную зиму. Его сестра с двумя сыновьями погибла при эвакуации: попали под бомбёжку на Ладоге. Она не любила это вспоминать и матери запрещала, пока та жива была. Всё время вину свою чувствовала перед всеми, что столько страданий близкие перенесли, а она вроде как в стороне осталась. Одно утешало – Петю спасла.

После похорон Соломона Марковича Лютик предложила Алле Сергеевне переехать к ним, та отказалась – зачем менять уклад и носиться с пожилым человеком, жила как-то одна и проживёт ещё, сколько положено, обузой не станет, как бы тяжело ни было. Никогда не заговаривала о внуках – значит, судьба такая. Главное, в согласии живут, дорожат друг другом и её не забывают.

Пётр сварил крепкого кофе. Немного стало легче – хоть

голова заработала. На улице дул пронзительный ветер, казалось, он проникает в каждую клеточку, словно ты нагой, а не в тёплой болгарской дублёнке из овчины, которую Летиция купила у знакомой спекулянтки за приличную переплату. На остановке троллейбуса скопились люди и прятались от ветра за спинами друг друга. Стояли, уткнувшись лицами в платки, шарфы, поднятые воротники, и молча ожидали запоздавший транспорт, боясь произнести хоть одно слово, дабы не окончить окончательно.

Рабочий день казался бесконечным и самым длинным в его жизни, чему он был непривычно рад. Все частные приёмы он отменил, дома будет ждать жена, и он обязан не испытывать её терпения. Хотелось представить лицо Лютика или хотя бы её мягкий голос – не получалось. Она вдруг стала далёкой и почти чужой.

Летиция сидела на кухне, перед ней стояла чашка нетронутого чая. Надо было начинать первым. Невольно захотелось солгать, подойти, обнять и развеять все её сомнения. Например, сослаться на день рождения внучки заведующей. Кстати, это было похоже на правду, и Лютик знала, что у той две взрослые замужние дочери, и вполне возможно, что один из его клиентов помог достать по блату такое очаровательное платьице... Потом вдруг тяжело задышал и всё выложил, не скрывая ни одной детали своей гнусной связи. Он говорил, словно обличал себя, не смущаясь, что его слова могут глубоко ранить. Это была наконец-то чистая правда, беспощад-

ная и жёсткая – и по отношению к ней, а главное, по отношению к самому себе. Страшная по своей циничности исповедь! Он отдавал отчёт, что это конец, конец его прежней жизни, и всё летело к чертям, разбивалось, сметалось под натиском его правды. Молча выслушав, ни разу не перебив, она медленно поднялась, крепко придерживаясь одной рукой за стол, боясь потерять равновесие.

– Пётр, я не стану подавать на развод, делить квартиру и предпринимать какие-то действия. Если ты заинтересован получить юридическую свободу, занимайся этим сам. Мне всё равно, – она говорила медленно, спокойно, отчётливо выговаривая каждое слово, словно они говорят на разных языках, и он может что-то не понять.

– Ты... должен... уйти. Куда ты пойдёшь, мне не интересно. Я просто... не хочу... тебя... больше... видеть. Никогда! Ни при каких обстоятельствах. Если я умру... я убедительно прошу тебя... не приходить... на похороны.

На неё больно было смотреть. Хотелось броситься в ноги, стоять на коленях, вымаливать прощение, заверять, клясться, только бы простила и разрешила видеться изредка с дочкой – всё остальное уложится, и он пальцем больше не дотронется до Светланы. Как поведёт себя Света, страшно было представить. Но это были фантазии. Лютик никогда не переступит через свои принципы – слишком достойная, слишком гордая. И почему он не послушал её и был категорически против усыновления? Наверно, она была права, сто раз пра-

ва, а он испугался. Панически боялся плохой наследственности, и в итоге сам, скорее всего, виноват, что Таня родилась с дефектом... Но он не сожалел ни о чём!

– Разреши мне остаться до утра. Поздно уже! – он с тоской посмотрел в окно и представил, как окажется на улице. Одинокий и никому не нужный старый дурак! – Не могу же я вот так к ночи ввалиться к маме?!

В его голосе звучали нотки страха и отчаяния, и он не владел собой.

– Прошу тебя! Я переночую в кабинете, в гостиной на диване, на полу!.. Где угодно!

Летиция была непреклонна, и её голос дрожал:

– Нет! Сейчас же уходи. Возьми, что надо, и уходи. Остальные вещи я соберу, и ты заберёшь их, когда меня не будет дома. Это моё последнее слово! Надеюсь, когда проснусь, больше не увижу тебя. Я пошла спать, мне рано вставать.

Летиция прошла мимо, словно он стал невидимым гномом, ничтожной букашкой, не заслуживающей никакого внимания, кроме немого презрения. Пётр остался стоять один посреди просторной кухни. Хотелось присесть, выпить рюмку коньяка, прийти в себя. Он больше не имел ни на что прав. Дом, в котором он провёл столько лет, отвергал его, здесь больше ничего не принадлежало ему, он всё добровольно потерял и ни на что не посмеет претендовать – ни на один сантиметр, ни на одну чашку из бужета, всё по праву

принадлежит только Летиции, его жене.

Было непонятно, что надо взять в первую очередь, и он в растерянности слонялся по квартире, которая вдруг оказалась огромной. Бросил в дорожную сумку бритвенный набор, зубную щётку, нижнее бельё, носки, пару рубашек и два белоснежных халата, заботливо отутюженных Лютиком. В кабинете скопилось большое количество книг, каких-то мелочей, привычных и принадлежащих лично ему. Ничего не тронет, пусть всё остаётся на своих местах, как было всегда. Все эти вещи будут причинять боль, а её и так через край, осилить бы.

Ветер не собирался стихать, и было всё так же невыносимо холодно. Такси долго не приходило, и он, отчаявшись, хотел идти к метро, как вдруг увидел машину с шашечками на боку. Она направлялась напрямиком к его парадной.

– Куда поедет? – прохрипел осипшим простуженным голосом водитель.

«Действительно... куда? Куда я поеду в такой час? К матери ни в коем случае!»

Он ей всё расскажет, но позже. Только не сейчас! Надо подготовить...

– Так куда едем, товарищ? – опять захрипел водила.

Он поедет к Танечке! Нет, не к Светлане, а именно к дочке: «Хочу увидеть её, пусть она уже и спит... Буду смотреть на неё спящую, думать и думать, как выстраивать свою новую жизнь. Со Светой и с дочкой. Или взять и сорваться к

маме и врать Светлане, что ничего в его жизни не изменилось, и он всё так же с Лютиком проживает на канале Грибоедова... Бред какой!»

Светлана с порога поняла, что случилось. Его выгнали из дома... Просто взяли и вышвырнули! Она ликовала, но виду не подавала и была сама любезность:

– Есть хочешь? Таня спит, не топай так. По-моему, опять ушки болят! Посмотришь завтра с утра. Заснуть не могла! Дотронешься до левого уха, и реветь начинает. Напасть какая-то, то одно, то другое! Не ребёнок, а болячка сплошная!

Петя с нежностью смотрел на крошечное создание. Танечка спала, свернувшись калачиком, смешно подперев ручкой пухлую щёчку и сложив домиком пухлые губки. Лоб был тёплый, и температуры явно не было. Уже хорошо! Может, и капельками обойдётся, главное, чтобы горло чистое.

– Пошли на кухню, – Света потянула его за руку. – Вроде соседи утихомирились. Сегодня с одной сцепилась. Мерзкая старуха! Варит какие-то кости! Вонь стоит на весь дом. Сдохла бы уже, что ли, чем такое устраивать!

– Свет, ну что ты такое говоришь?!

– А что? Я-то почему должна страдать?! То не вылезает из норы, по месяцу не видно...

Он не пытался вникнуть, что она несёт, думал о своём. Стало совсем грустно – он скучал по своему дому и в первую очередь по Лютику. Любил ли он её так сильно, как сейчас?! Нет, никогда! Верить в то, что происходит, не хотелось, и на-

стойчиво мнилось, что весь этот кошмар – лишь временное явление и всё должно опять вернуться на свои места. Пугало, что Светлана приняла его без особых расспросов, и, по всей видимости, строила планы на будущее, и лишь интересовалась, что будет с его квартирой и остальным имуществом.

В этом кошмаре он прожил целую неделю. Света лезла к нему с нежностями, он отстранялся... Один раз не выдержал и позвонил Лютику.

– Прости, что беспокою. Я волнуюсь, как ты...

– Всё хорошо, Пётр... – ответила Летиция. – Постарайся быстрее забрать свои вещи. Всё собрано, и чемоданы стоят в твоём кабинете. Если я что-то забыла, можешь напомнить... Надеюсь, ты найдёшь в себе силы сам сообщить всё маме. Не ставь меня в глупое положение!.. Хотя куда уж глупее.

И повесила трубку.

Это был уже не Лютик, а Летиция Соломоновна, кандидат наук, уважаемый сотрудник Русского музея, умная принципиальная женщина.

Светлана со своими родителями стояла в очереди на отдельное жильё, но, когда это случится, было непонятно. У Петра Алексеевича были связи, но все они в конечном счёте замыкались на Летиции, и, как оказалось, он был только прекрасным лором, а по существу – никем.

Надо идти к маме, другого выхода он не видел. Скрывать случившееся Пётр больше не мог. Мама, по всей видимости,

звонит, а Летиция пространно отвечает, что спит или ещё не дома. В субботу лёг с твёрдой уверенностью, что с утра в воскресенье точно решится.

Он поднялся на знакомый с детства второй этаж сталинки в Автово и вспомнил, что забыл ключи от квартиры. Как-то не было в них надобности, и они, скорее всего, остались в каком-нибудь ящике его письменного стола на канале Грибоедова. Звонил долго, никто не открывал. Расположился у окна на лестничной клетке: «Не могла мама надолго уйти, скорее всего, в соседний гастроном направилась».

Дворик почти не изменился, даже скамейки те же, только раньше были зелёные, а сейчас буро-коричневые, облезлые и покосившиеся. Огромные лысые ветвистые тополя всё так же окружали большую детскую площадку, где в центре возвышалась грубо сколоченная горка. Раньше её не было, и они с Толяном бегали в соседний двор. Катались до одури, пока сил хватало. У Толи мать строгая, могла за порванные штаны и ремнём угостить. У Пети, наоборот, смеялась от души, когда кидала тёплые байковые шаровары, облепленные ледяными лепёшками, на горячую батарею, ещё и обнимала, и к сердцу прижимала румяное от мороза дорогое чадо. Когда вернулся из Ташкента, на горке уже кататься не положено, вроде большой. Так, если только с ребятами изредка подурачится. А на скамейках этих высиживали допоздна – и курить пробовал, и водку первый раз пригубил, не понравилось.

По лестнице кто-то тихо поднимался. Он сразу узнал её по шагам. Мама шла медленно, останавливалась, передыхала и шла дальше. Так и не стала пользоваться лифтом – второй этаж, что лениться, в старости на лифте подниматься будет, когда силы иссякнут. Годы шли, а лифт она так и не стала жаловать. Тяжело, но не смертельно, и сердце работает исправно. Одышка... Так она и у молодых есть, такие нынче времена. Увидела сына, заулыбалась:

– Петенька! Так неожиданно! Молодец!.. Что-то похудел ты... А я в гастроном ходила. Как почувствовала! Хлеба свежего дома нет.

Алла Сергеевна поняла: не просто так сын приехал с утра пораньше, что-то случилось, и очень важное. Все годы жила спокойно – у Пети всё хорошо, правильно и без сюрпризов.

– А у меня треска в томате наготовлена. Ты же любишь!

– Мам, давай просто чаю попьём. Я тебе и пирожных из «Севера» купил. Ставь чайник! Или давай я сам. А ты садись, – он заулыбался, насильно усаживая её за маленький кухонный стол, по старинке покрытый клеёнкой в мелкий голубой василёк.

– Только чашки возьми. Вон те, кобальтовая сетка. Это мне, когда на пенсию выходила, подарили! А я ещё столько проработала! – она смеялась, ей хотелось подбодрить Петеньку, чувствовала – разговор будет непростым и услышит она нечто неожиданное, слишком уж всё странно.

– Пётр!.. Я же чувствую, случилось что-то из ряда вон! Ты случайно не болен серьёзно или, может, Летиция? Говори, не скрывай! – она испуганно смотрела на сына и на всякий случай держалась рукой за сердце.

– Нет, мам, слава богу, все здоровы! Ладно уж, давай рыбу в томате! Вроде сытый, а от этого отказаться не могу, – он тянул время и, как всегда, не знал, с чего начать, мялся и переживал. – Вот совсем другой вкус! И лука много, и маринад отличный. Ещё блинчики твои с мясом люблю. Поджаристые. Они какие-то сладкие у тебя получаются, необычные!

– Петь, вижу, от разговора уходишь, начать не можешь. Ну что стряслось?!

Аппетит у Петра разгорелся нечеловеческий, нервничал, не ведая вкуса.

– Только ты не волнуйся! Не понимаю, как объяснить...

Не выдержал, не смог усидеть на одном месте, выскочил из-за стола и заходил по маленькой кухне, сам не осознавая, как нагнетает трагизм своим нелепым поведением. Собрался с мыслями, присел и с самого начала всё рассказал: и как познакомился со Светланой, и как в мыслях ничего такого не было, и как Танюша появилась.

– Подожди! Я сейчас внучку твою покажу. Такая смешная! – Пётр Алексеевич торопливо зашаркал войлочными тапками по коридору, где в прихожей бросил злополучный портфель.

Алла Сергеевна даже вздохнула с облегчением. Всё было страшно, но не настолько, как она представила, и это каким-то образом сработало в пользу Петра... Она долго молча разглядывала фотографии славной маленькой девочки, которую звали Таня и которая была её самой что ни на есть родной внучкой.

– Другая женщина? Не может быть, Петя! Этого не может быть! А как же Летиция?! Столько лет прожили в мире и согласии всем на зависть, и что же за судьба такая встретить эту Светлану?! И как только совести хватило в семью хорошую влезть и всё порушить?! – она не видела эту непорядочную женщину, но уже невзлюбила и никогда, по всей видимости, не простит, и у Пети с ней не всё так просто – видно, что страдает сильно, глаза пустые, уставшие.

Она перебирала фотографии и вдруг поняла, что сын, скорее всего, за поддержкой пришёл. Оправдывать его она не могла, как есть виноват! Танечка-то в чём виновата? За неё всё решили, не спросили...

– Славная девочка! На тебя похожа. Ты такой же беленький был, потом только волосы немного потемнели. А летом выгорал сильно и опять в белобрысого превращался. Так сколько ей уже? Года два, больше?

– 9 февраля два годика исполняется. Большая уже!

– Да уж, большая! Скажешь тоже! Значит, проживаешь ты теперь с этой Светланой в её коммуналке? – опять схватилась за сердце, и лишь качала головой, и с полным непони-

манием разглядывала сына.

– Пока так. Что дальше будет, не знаю.

Ему было хорошо у мамы, тихо, спокойно и невыносимо захотелось остаться, пусть и ненадолго, с мыслями собраться и просто взять и свыкнуться с новой жизнью, осознать, что, скорее всего, ничего сверхъестественного не произойдёт и его нынешнее положение есть реальность. На маму смотреть было больно, ещё тот подарочек ей приготовил на склоне лет.

– Может, к нам приедешь на день рождения Танечки? Я хотел в ресторане посидеть, тихо, по-семейному.

– Нет у тебя больше семьи, Петя! Дочка есть, а семьи нет! Не приду я на ваш праздник. Как Летиции потом в глаза смотреть буду?! А вот ты с Танечкой приезжай, когда захочешь, всегда рада буду. Дочка твоя теперь навсегда, а таких Свет ещё дюжина может быть.

«Да! – с грустью подумал Пётр Алексеевич. – В моём возрасте только об этом и думать. Моложе был, ничего подобного не случилось».

Вот так, на всю жизнь клеймо подлеца и изменника получил! Даже Анатолий не проникся его положением. В этом не было ничего удивительного – все любили и уважали Летицию, и выбор оказался не в его пользу. Конечно, Толик не перестанет с ним общаться, но на нейтральной территории, и будет советовать, как всё разрулить. В нём он не сомневался: способный, кого хочешь убедит. Сам даже кошку соседскую

ни в чём убедить не сможет. Толя в такую яму никогда бы и не попал! Это он дурак дураком.

Именно в свой день рождения у Танюши поднялась высокая температура, да такая, что ничем не сбить, пришлось скорую вызывать. Горло было красное – ангина, и Пётр опять во всём винил ясли и Светлану, но про себя, ей такое говорить незачем, только крик поднимет, что не намерена дома торчать, пусть сам с ребёнком возится.

Всеми правдами и неправдами настоял снять отдельную квартиру, и чтобы комнатка у Танечки была, хоть крошечная, но своя. Всё, что поприличней, стоило денег, да и ждать Петру Алексеевичу не хотелось – пришлось уезжать из центра и поселиться в Московском районе, чужом и непривычном для обоих. Так что забот прибавилось – каждый день возить Танюшу в ясли на Лиговский по её прописке, в другой поближе не брали. Фактически квартира состояла из двух комнат, но была человеческих размеров, и кухня с двумя окнами вполне заменяла гостиную. Из гостиной соорудили спальню, впихнув туда купленную когда-то Светланой громоздкую, неподъёмную тахту, всё равно никого из гостей в их новом месте проживания не предполагалось. В спальню поставили деревянную детскую кроватку рядом с уже имеющейся полуторкой, и получилась отличная детская, да ещё и с лишним спальным местом, куда часто уходил Пётр Алексеевич после очередного скандала. Ругань начиналась с упрё-

ков, что обязан с женой развестись и шикарную квартиру поделить.

– Не жирно ли ей одной будет?! Мы что, маяться должны?!

На любые доводы у неё была своя правда, и спорить было бесполезно. Ещё требовала законный брак и утверждала, что это как раз и есть причина всех размолвок, ссор и непонимания.

Жениться на Светлане не было и мысли, а уж разводиться – тем более. Печать в паспорте о браке с Лютиком грела душу и странным образом успокаивала. А штамп о прописке не давал выдавить из памяти всё, что было связано с его прошлой жизнью, и незримо соединял с домом на канале Грибоедова, где, наверное, и был он по-настоящему счастлив.

Поначалу Света встала в позу и наотрез отказалась дочку отпускать к неприветливой Алле Сергеевне.

– Как она, так и я буду! Не хочет меня принимать – и внучку свою не увидит.

Потом одумалась, видно, весна благостно подействовала, и одним воскресеньем разрешила Танечку к бабушке отвезти, на смотрины.

Алла Сергеевна с утра хлопотала на кухне, даже книгу советов купила, чем ребёнка кормить, позабыла всё давно, как в первый раз с таким сталкивается. Заранее в «Детский мир» заскочила, глаза разбегались; особенно лошадка-качалка де-

ревянная понравилась – так тащить до такси надо, не справится, но на заметку себе поставила купить обязательно, пока девочка не переросла такое чудо с волнистой коричневой гривой. У Пети такая же была, уж больно ему нравилась, и «игго-го» он кричал на всю квартиру и саблей размахивал – думали, может, в Суворовское отдать. Но по натуре всё-таки тихий был и полненький, как медвежонок неповоротливый. Всегда девчонок побаивался, видно, от смущения, что не может никому понравиться, несимпатичный. Алла утешала и пыталась разуверить, что некрасивых мужчин не бывает, есть глупые, подлые и равнодушные, они и некрасивые, а все остальные – красавцы писанные, так как не в этом мужская сила. Как ни убеждала его мама, ничего не помогало, и, если бы не случай, неизвестно, когда бы и женился.

Познакомился он с Летицией совершенно случайно. Алла Сергеевна не пропускала ни одной премьеры, тем более, когда приезжал московский «Современник». Она брала два билета, на себя и сына, но в итоге шла с подружкой, такой же незамужней и всегда свободной. Пётр ничего против театра не имел, но в большинстве случаев отказывался, находя ряд непреодолимых обстоятельств. Мама не обижалась и не настаивала, только на этот раз у неё самой пойти не получалось – неожиданно умерла коллега, преподавательница химии, совсем ещё молодая и цветущая женщина, от банального перитонита. И она так сильно распереживалась, что уже дома почувствовала себя скверно, поднялось давление, да-

же скорою пришлось вызывать. Петя убеждал, что не надо ему идти вместо неё, и пусть к чёрту пропадают билеты, коли такое случилось, не может он в таком состоянии её одну оставить. Мама стояла на своём, премьера как-никак, и билет второй обязательно сдать надо, вон сколько желающих, а билеты на спектакль давно распроданы, может, хоть кому-то счастье выпадет.

Обладательницей второго билета стала как раз Летиция. Она подбежала к Пете сама, как только он начал вытаскивать билет из кармана.

– Лишнего билетика не найдётся, молодой человек?

Он мельком взглянул на девушку – высокая, худенькая, тёмные кудрявые волосы, нос странной формы, явно нерусская. Сунул билет, получил деньги и побежал, на ходу стягивая плащ, становиться в очередь за «Дюшесом» и бутербродом с красной икрой. В театральном буфете всё казалось настолько вкусным, словно сроду ничего подобного не ел. Незнакомая девушка, купившая лишний билет, опять оказалась совсем рядом. Она стояла практически напротив, в руках у неё была маленькая старомодная сумочка, но в целом выглядела она более чем прилично, и сразу понятно, что из интеллигентной семьи. Зачем-то стал приглядываться, она заметила, покраснела, опустила голову и улыбнулась. Первое отделение молча рядом просидели, а в антракте уже свободно болтали, словно давно знают друг друга.

Они начали встречаться. Летиция казалась ему по-своему

интересной, и Пётр стал привыкать к её необычной внешности, хотя это была далеко не влюблённость. Когда она привела Петю знакомить с родителями, всё было предрешено. Он сделал ей предложение, и она согласилась. Похоже, они проскочили романтическую часть своих отношений и сразу перешли к привязанности и уважению.

Летиция любила его, и он это чувствовал. Она окружила его заботой и вниманием. Спокойствие, да и размеренная жизнь в её доме делали Петра абсолютно счастливым. Он был убеждён, что именно такой и должна быть семейная жизнь, когда никто особо не вторгается в личное пространство, не тянет одеяло на себя, всё до точности правильно и предсказуемо. Порой ему казалось, что отсутствие детей не есть повод огорчаться. Как только он начинал думать о детях, перед глазами вставала картинка, как они однажды с Лютиком решили после боя курантов в новогоднюю ночь заехать к Толяну на бутылочку игристого, тот как раз с рейса вернулся. Его жена – милая бестолковая блондинка Верунчик – родила Машу, и ей было уже месяца три. Всё было спокойно, и ребёнок мирно сопел после очередного кормления, как вдруг начал истошно кричать, корча невыносимо страшные рожицы. Молодые родители что только не делали!

– Газы! – обречённо, с извинениями изрёк Анатолий и стал убеждать Петра, что это дело временное и скоро всё пройдёт, максимум месяц, ну может, два.

– Это пройдёт, зубы полезут! – без малейшего желания

успокоить мужа изрекла Вера, прикладывая тёплую пелёнку к животику бедной страдальицы. Так они таскали её по очереди взад-вперёд по квартире, а Пете хотелось заткнуть чем-нибудь уши и не слышать эти душераздирающие вопли. Летиция, наоборот, принимала живейшее участие и даже пару раз нежно брала малышку на руки, прижимала к себе, и она странным образом затихала. Уже позже, когда следом у Толика родился сын и дети немного подросли, нет-нет да закрадывалась невинная зависть, и он представлял, как хорошо, придя с работы, повозиться с такими забавными карапузами, которые уже что-то понимают и как груши висят на шее у счастливого папаши.

Вечный хаос в квартире друга потихоньку переходил в некое ощущение относительного порядка, во всяком случае, исчезало невероятное количество пелёнок и ползунков, развешенных по всей квартире, преимущественно на чугунных батареях, а балкона в те времена у Толика ещё не было. Хотя какой балкон, в Ленинграде зимой и за минус двадцать бывает, и всю осень льёт с утра до вечера неделями!

Когда родилась Танечка, он всю эту кутерьму наблюдал, по большому счёту, со стороны – пришёл, ушёл. К своему несколько иначе относишься, по-доброму, с пониманием. А Свету всегда всё тяготило, и ему было непонятно, как можно так холодно к собственному ребёнку. Особенно это стало очевидным, когда поневоле жить вместе начали. Иногда хо-

телось плюнуть на всё и в чём есть – к маме, навсегда! Потом вспомнит Танюшины глаза, диатезные щёки и обречённо выйдет на станции метро «Электросила», с трудом пропихиваясь, залезет в автобус и, зажатый людьми со всех сторон, едет пару остановок до дома, где поджидает дочка. И она обязательно начнёт хитро поглядывать на портфель, вдруг там что-то из вкусок припрятано...

Все новости о Летиции узнавал от мамы, она часто с ней созванивалась и, даже не спрашивая, интересно ли ему, выкладывала весь разговор, слово в слово, без комментариев и выводов, просто как информацию. Других источников у Петра Алексеевича не было, общие знакомые растворились и на контакт не шли, как сговорились. Откуда они только узнали, что ушёл к другой женщине – гораздо моложе – и обзавёлся ребёнком, было не понятно. В Лютике он не сомневался – не такая, не пойдёт поносить его на каждом углу, что подлец последний. Грешил на одну её давнюю подругу, она его с самого начала невзлюбила, типа хорошо пристроился. Может, и не выдержала Летиция, и поделилась, а в итоге весь ближний круг узнал, что между ними произошло.

Раз в месяц звонил и без особых приветствий и прочей шелухи спрашивал, как дела. Получал неизменное «спасибо, всё хорошо» и слышал гудки. Она так быстро вешала трубку, что продолжить разговор было невозможно, и о чём говорить, тоже непонятно. Помнил, как забирал вещи и долго стоял в нерешительности, не зная, что делать с ключами:

оставить себе или положить на видное место в прихожей, что он и сделал. Щёлкнул замок. Пётр Алексеевич растерялся, долго не мог прийти в себя и отойти от дверей, которые окончательно разделили их с Летицией. Как назло, приполз на этаж скрипучий лифт, и из него с кряхтением выкатилась соседка – грузная дама, жена генерала. Он знал её с тех пор, как поселился в доме на канале Грибоедова. Тогда она была красивой женщиной, с алыми губами, затейливым начёсом на голове и обаятельной улыбкой, не лишённой кокетства. Почему-то только сейчас он обратил внимание, как она постарела и, скорее всего, выпивала. Он попытался улыбнуться – получилась глупая гримаса. Обычно весёлая и словоохотливая, она лишь кивнула головой, мельком бросила взгляд на два увесистых чемодана, открыла дверь и с силой захлопнула, тем самым выражая своё отношение к его персоне и заодно ко всем мужикам...

Через долгие два года родителям Светланы наконец-то дали квартиру, в которую они почему-то нехотя переехали, а Света с ребёнком осталась в съёмной – по своей инициативе и твёрдому убеждению Петра Алексеевича. Ещё через год скончался Светин отец, на удивление слишком долго протянул с таким количеством выпитого алкоголя за свою не самую длинную жизнь. Свете очень не хотелось идти на похороны – представляла, какая расчудесная компания соберётся алкашей и неудачников. В этом она как раз и ошиблась.

Пришло много народа с Кировского завода, даже кто-то из руководства, и какие-то хорошие слова говорили, по-доброму вспоминали. Сидела Светлана на поминках в их новой квартире с тремя комнатами, сама не своя, даже попросила рюмку водки налить, и почему-то люто злилась на покойника, и на мать поглядывала с раздражением, когда та вдруг от горя голосить начинала или неожиданно песни своей молодости затягивала. Нелепо всё было, стыдно, и ещё непонятно какие чувства, как обманули её в чём-то.

Вскоре решит её мать переехать в бабушкин домик, в Стрельну – захотелось уединения, в огороде копошиться и тихо доживать свой век вдали от всех – всё стало немило и пусто. Так Пётр Алексеевич и оказался на проспекте Ветеранов, и словно выжидать начал, когда Светлане всё надоест и она его выгонит, самому уйти сил не хватало. Было удивительно, за что она держится, почему не отпускает: самостоятельная, квартира какая-никакая есть. Неужели не надоело жить в постоянном недовольстве и упрёках? Да и жениться он явно не собирается.

Стал замечать, как Танюша боится Светлану – вздрагивает, если та голос повысит и брови нахмурит. Бывали и спокойные дни, когда Света в настроении, и они все вместе и в Петродворец ездили, и в центр по Невскому прогуляться, и в мороженице посидеть. Хорошо, но всё время по сторонам поглядывал, боялся с Лютиком столкнуться. По выходным частенько стали дочку к Алле Сергеевне отвозить. Сами се-

бе предоставлены, глядишь, и в кино сходят на последний сеанс. Готовить Светлана не любила, если только самое простое, и то без интереса. Пётр Алексеевич на откорм к маме ездил, ещё и Танечке привозил мамины домашние котлеты. У Лютика всегда первое, и второе, и хлеб свежий, а не залежалый.

Летом, когда Таня постарше стала, отпуск брали и все вместе – в Гагры или в Хосту, комнату снимали так, чтобы к морю поближе. В такие моменты Пете казалось, жизнь налаживается, просто разные они, и долго привыкать друг к другу приходится. У Чёрного моря обиды забывались, и Света поспокойней становилась. Близость между ними была, хоть и нечасто, и, как ни странно, именно на этом каким-то образом всё держалось, другого ничего и не было.

Пётр Алексеевич многое прощал Светлане – и грубость, и злость, – с одним не мог примириться, что на Танечку руку поднимает, хоть и не при нём, но знал доподлинно. Сама дочка ни разу ему не открылась, лишь испуганные глаза делала и зачем-то за занавеску прятаться бежала и рот руками закрывала, когда расспросить осторожно пытался.

Дни как-то незаметно пробегали, проживались и исчезали бесследно. Таня – в сад, они – на работу. Пётр поздно приходил, если в вечер, то до работы едет по вызовам, а потом ещё и после – раньше одиннадцати домой прийти не получалось. Теперь у них и спальная была, и гостиная, и дочке комнатка. Петя хотел мебель приличную достать, стенку чешскую,

диваны плюшевые. Света всё по-своему расценила, что на-перво надо машину купить, ВАЗ-2101, – всем удобнее будет, и престижно свой транспорт иметь. Правда, каким образом, не понимала, но мечту имела почему-то. Пётр Алексеевич сроду машину не водил: боялся и очки с детства носил. От зятя «Волга» чёрная осталась, так продали: ни Летиция, ни тем более он за баранку садиться не решились. А Света в автошколу пошла водительские права получать, и частенько Пете приходилось Танюшу из садика забирать, все свои вызовы отменять и с дочкой вечерами возиться, чему они оба были несказанно счастливы.

– Пап, я урод?

– Что значит – урод? Это ты откуда такое взяла?

– Мама говорит... Это же плохое слово?! Правда?

Он смутился, но, увидев улыбку на лице дочери, невольно улыбнулся в ответ.

– Я думаю, мама была чем-то очень огорчена и не подумала. Вырвалось! А ты у меня самая настоящая красавица!

– Нет, пап! – засмеялась Таня. – Она не один раз сказала. Много! А ещё меня Серёжа из садика называет Конёк-горбунок! И все смеются!

– А ты?

– Я тоже смеюсь. Только я хочу сказать тебе по секрету.

Она придвинулась к нему поближе и прошептала:

– Я хочу быть Золушкой!

– Почему именно Золушкой?

– Не знаю! – она опять засмеялась и уткнулась ему в грудь от стеснения, что тайну свою открыла.

В такие дни они принадлежали друг другу. Пётр Алексеевич освоил все детские забавы. Он лепил вместе с Таней зайчишек из пластилина, грибы всех мастей. Особенно ему удавался боровик, и он пыхтел от удовольствия, когда в очередной раз водружал коричневую шляпку на толстую белую ножку. С рисованием у него было хуже, но он старался под хохот Танюши, когда пытался изобразить её на белом листе ватмана. Часто ему самому приходилось укладывать дочку спать – и обязательно со сказками, которые он вдруг с лёгкостью начал придумывать, и все они были о счастье, но его героям приходилось преодолевать всякие препятствия. Сказки были с хорошим концом, и так столько всего сложного в жизни. Света приходила поздно и, если заставала Таню не в постели, злилась и обязательно сильно ругалась непонятно по какой причине.

Причина была. И очень серьёзная. В автошколе, в её группе, вождение преподавал Олег – простой крепкий парень, без особой деликатности, немногословен. Никого из своих подопечных не выделял, и требования были для всех равные, неважно, мужчина ты или женщина. Мог легко слабохарактерную дамочку тупицей назвать – некоторые слезу пускали, но в итоге не обижались, прощали: видно, не от плохого говорил, характер такой, без сантиментов. Впервые в своей

жизни она чувствовала то, что никогда не испытывала. Не могла объяснить, что с ней, чистое помешательство, любовь с первого взгляда, не иначе. Она ощущала его каждым нервом, каждой клеточкой своего тела, словно всегда знала, – и проваливала одно занятие за другим. Олег не скупился на выражения:

– Спиридонова! Может, ну его?! Из вас водитель, как из меня балерина! Это же простейшая история! Иногда так хочется вам по лбу стукнуть, жаль, прав у меня таких нет!

Ей было всё равно, по лбу – ещё и лучше. Она смотрела на него безумным взглядом, и только дурак мог не догадаться, что с ней происходит. Когда он своей сильной рукой пытался заставить её руку двигаться в правильном направлении для переключения скорости, Света вообще забывала обо всём: где она и что от неё требуется. Не было сомнений, он всё чувствовал, но не подавал никаких надежд, даже самой крошечной – был глух и неприступен. Ей хотелось узнать о нём. Она расспрашивала каждого, кто попадался ей в автошколе, но ничего вразумительного так и не узнала, только что был женат, в разводе и есть маленький сын.

По тому, как он вёл себя со всеми женщинами, было ясно – разочарован, пуст и закрыт для общения. Света не отступила. Это было не в её правилах, и вовсе не боялась унижения. Она просто докажет ему, как они необходимы друг другу. Всё было иначе, по-настоящему, не так, как с Петром, без целесообразности, без планов на будущее, просто непре-

одолимое желание быть рядом в любом качестве.

Приходить каждый раз домой, ложиться в одну постель со слабым мужиком, размазнёй становилось всё труднее, и она делала всё, чтобы Пётр шёл ночевать в гостиную на диван. Если случалась близость, то это было что-то с её стороны невообразимое. Она закрывала глаза и представляла Олега так ярко и реально, что потом долго не могла прийти в себя, особенно от отвращения, что рядом совсем не он.

Пётр Алексеевич теперь не только Танюшу к Алле Сергеевне на выходные отвозил, но и сам с удовольствием оставался, тем более Светлана только за и сама им по-быстрому вещи собирала. Вот в такой день она и пригласила Олега к себе в гости после занятия.

– А разве вы не замужем? Сами говорили, что дочка есть! – холодно ответил Олег.

– Нет... Я не замужем! – Светлана растерялась под его презрительным взглядом, но продолжала смотреть прямо в глаза. – Так получилось... Просто живём вместе... Ребёнок...

Потом неожиданно для себя схватила руками за лицо и заплакала, по-настоящему, искренне, как никогда не плакала даже в детстве, от полного бессилия и любви. Она была в его власти. В ней ничего не оставалось от прежней, когда он был вот так рядом. Страшно было подумать, что он никогда не дотронется до неё, не станет пусть самой малой частью её жизни.

Она стояла некрасивая, зарёванная. Тушь стекала крупными каплями слёз, и она невольно размазывала их по лицу, пытаясь стереть следы своей слабости и отчаянья. Ей показалось, он дрогнул и решает, как поступить. Светлана ждала. Олег странно посмотрел на неё, словно видит впервые, потом махнул рукой и пошёл прочь, потом ещё раз на секунду обернулся...

Она так и осталась стоять, опустив руки, как потрёпанная, никому не нужная тряпичная кукла...

На следующем занятии она узнала, что ей поменяли инструктора, без объяснений. На экзамены не пошла – ни на теорию, ни на вождение, – ей всё стало неинтересно, кроме Олега, и было страшно, что он останется только памятью, и непонятно, как жить дальше. Главное, надо решиться и всё поменять в своей жизни, смести до основания и начать сначала. Если не найдёт себя и потеряется окончательно – погибнет, и так столько неправильного, ненужного, пустого.

– Я хочу поговорить с тобой!

Пётр Алексеевич вздрогнул от неожиданности. Он только вошёл и не успел даже снять пальто. Что на этот раз? Ничего хорошего от Светланы он давно не ждал, спасибо, что не с крика начала!

– Пойдём на кухню. И закрой дверь, а то сейчас любопытная Варвара прибежит! Садись...

Пётр Алексеевич опустил на стул.

– Может, я схожу руки помою?

– Сиди! – она присела напротив и без вступлений и объяснений сообщила главное. – Нам надо разойтись. Это не жизнь, а сплошное мучение. Семьи у нас не получилось. Жениться ты не захотел, да и сожитель из тебя никудышный. Получается, что ты – моя большая ошибка и всё, что связано с тобой. Я не намерена больше ничего изображать.

– Ты никогда и не изображала, – робко возразил Пётр. – А как же Таня?

Он ещё не до конца понимал, что происходит. Всегда мечтал избавиться от бесцельного существования рядом с этой женщиной, но боялся, ждал, не знал, как всё устроить. И вот свершилось, а он дико испугался, особенно за дочку.

– Что Таня? Ничего! Ты можешь забирать её к своей матери, как обычно, по выходным. Так что ничего особо не изменится ни в её, ни в твоей жизни, как я понимаю.

Ничего себе не изменится! Танечка останется одна с этой грубой, взбалмошной бабой. Потеряет опору и защиту в его лице. Как ни крути, он сдерживал Светин мерзкий характер, и уже готов был просить не делать таких необдуманных поступков: у них есть ответственность перед дочерью, хотя сам понимал, что для Светы это пустой звук.

– Я сам скажу Тане! Сегодня. Буду укладывать и скажу. Хорошо?

– Делай как знаешь! – Света спокойно, словно ничего особенного не произошло, встала из-за стола, направилась в го-

стиную, засела перед телевизором и удивилась, насколько всё спокойно получилось – ни сожалений, ни раскаяния.

Дочка уже лежала в постели и ждала, пока папа придёт и расскажет очередную сказку.

– Танюша, мне надо пожить немного у бабушки Аллы. Ей одиноко, и, по-моему, она грустит! – он старался не выдать, что творится на душе, и не узнавал свой собственный голос.

Она привстала и крепко обхватила отца за шею, было видно, что сильно испугалась.

– На сколько дней? Это же быстро?

– Быстро, Танечка! Я буду забирать тебя на выходные. А может, и из садика иногда встречать. Ну что глаза на мокром месте? Ты же у меня самая настоящая Золушка. А Золушки не плачут.

Она шмыгала носом, старалась улыбнуться, не хотела папу огорчать.

Таня заснула, а Пётр Алексеевич пошёл собирать вещи. Всё напоминало потешный водевиль, и он, как всегда, в главной роли. Ох, как бы сейчас ликовала его старая соседка, генеральская жена, увидев опять с двумя чемоданами и лицом полного идиота!

Алла Сергеевна молча приняла сына и так же молча разобрала его вещи.

– Хорошо, что она не будет ставить преград для нашего общения с Танечкой. А всё остальное наладится, не переживай!

Светлане приходилось нелегко, слишком много обязанностей лежало на Петре Алексеевиче, но возвращать его она не собиралась. Ей даже показалось, что стоило ему навсегда уйти из её жизни, и дышать стало легче. И откуда столько нелюбви к нему накопилось!

Танюше, как и прежде, доставалось за любую малость, но всё равно не так, как раньше, – видно, не до неё было.

Выкинуть Олега из головы Светлана так и не смогла, тем более когда осталась одна, и решила, что должна сделать ещё одну попытку, всего лишь одну-единственную, и потом уже навсегда смириться.

Это случилось в субботу. Пётр с утра забрал Таню, и Света помчалась в автошколу. Его машина, как обычно, стояла во дворе, и, судя по времени, он должен подойти с минуты на минуту. Она не ошиблась. Олег шёл быстрыми шагами прямо к ней навстречу, приглядывался и явно не узнал сразу.

– Привет! Это ты?.. И что вы тут делаете, Светлана Спиридонова, если не ошибаюсь? – он выдавил из себя что-то наподобие улыбки. Настроение у Олега было отличное, боль только-только начала отступать, всё-таки год прошёл после развода.

Он знал Юлю с юности, она с семьёй переехала на проспект Стачек в дом напротив, когда им было всего по шестнадцать. Юля была красивая, особенно фигурой хороша, и волосы цвета горького шоколада аж до задницы. Её отец хо-

дил в загранку, капитан дальнего плавания, так что одета она была намного лучше других, что ещё больше подчёркивало её природную красоту. Неизвестно, что она нашла в Олеге – простом парне из среднестатистической семьи, – но они начали встречаться – просто, по-наивному: то в кино пойдут, то гуляют допоздна.

Маме Олега Юля не нравилась. Не нравилась, да и всё тут, без пояснений, может, потому, что влюбился сын без оглядки, а потом страдать будет, как часто бывает в таком возрасте. В семнадцать они уже во всю спали. Родичи на дачу – он её к себе тянет, и до самого полудня в постели валяются, до изнеможения.

Олег в армию уходил, в институт и не пытался, учился кое-как, знал: не поступит. Юля – в Торговый, обещала честно ждать. Ревновал до одури – мать с отцом в военкомат ходили, просили подальше отправить, чтобы в самоволку не бегал Юлю свою ненаглядную проверять.

Первый год всё спокойно, и письма до Олега регулярно доходили – тайком уткнётся в листок клетчатый, и улыбки скрыть не может. Он её невестой считал и карточку всем сослуживцам показывал. Те за спиной переглядывались, перемигивались. Будет такая красotka столько ждать! Держи карман шире! Многие вообще предполагали, что всё выдумал он про Юлю свою, раскрасавицу, а что письма получает, так мало ли какая пишет.

На второй год письма всё реже и реже приходиться ста-

ли. Один шутканул неудачно и прилично схлопотал. Ничего Олегу за это не было – вошли в положение, любой не выдержит! До того исстрадался, что другу написал, чтобы за Юлькой понаблюдал и, если что, так и наkostenялял тому, кто рядом шьётся... Домой с тяжёлым сердцем возвращался, всякое в голову лезло. Любил он её нечеловечески...

Юля в Торговом институте друзьями новыми обзавелась, ребята целеустремлённые, не то что Олег непутёвый. Не узнать Юльку, словно и не было ничего серьёзного между ними, а ведь в письмах в любви клялась. Трудно поначалу было – и не бросала, и с ним до конца не была. Спать спала, а как что другое – вечно времени нет. Один раз полночи у парадной пас, на такси подкатила подвыпившая, явно не одна гуляла, и истерику закатила, что ведёт он себя как лох последний и надоело ей подстраиваться, не нравится – убирайся. Такой грубой её никогда не видел, дар речи потерял. Потом, через несколько дней, сама пришла, как ни в чём не бывало, и в койку, а уж там он весь в её власти.

Устроился водителем на грузовые перевозки, не зря в армии корочки получил. Иногда и левые поездки случались, деньги были, спокойно мог Юльку и в ресторан хороший сводить, и духи французские у спекулянтов купить. Пахал всю неделю, а по выходным отсыпался – не отодрать голову от подушки – и всё обещал, что это лишь временно.

Может, и его какая вина, но в один день всё изменилось, когда не нашла ничего лучше, как кинуть Олегу письмо в

почтовый ящик. Письмо сухое и жестокое, что слишком они разные, была любовь да сплыла, и выходит она замуж за достойного парня, так как считает, что ничего путного у них не получится.

Неделю обрывал телефон, караулил у подъезда, убеждал, клянчил, унижался. Юля как чужая, не идёт ни на какие уговоры. Первое время чуть с ума не сошёл, на работу с трудом выходил, срывался на всех и плакал, плакал, как и не мужик вовсе, а самый последний слюняй.

Потом они лет пять не виделись. Куда Юля переехала, он толком не знал, поговаривали, в Москву, и вовсе не замуж. У её родичей не спросишь, не скажут, всегда против него были – недостоин их дочери. Каким-то чудом в «Совтрансавто» попал, это и спасло от полной депрессии и нежелания жить. Целых три месяца проверяли – не брали таких, слишком опыта мало, так получилось, что старый приятель отца помог, замолвил словечко.

Работа отличная, за рубеж мотается на новенькой грузовой Volvo, совсем другие деньги! Ещё и бывалые водилы подучили, как подзаработать, что туда везти, а что обратно. С женщинами было всё просто: познакомился, переспал и – до свидания. Нравился он бабам, и молоденьким, и постарше. Парень видный, только больше не верил ни одной и Юльку забыть не мог – как заговорённый, душа разрывалась, всё простил бы.

Она заявила неожиданно, сказала только, что вернулась

к родителям. Олег и не расспрашивал особо, одурел от радости, все обиды позабыл, и всё понеслось по-старому. Юля часто ночевать у Олега оставалась, отчего и с матерью у него постоянно разногласия случались – то-то она не видела, что с ним творилось, когда бросили его ради какого-то московского прохвоста. Сестра старшая так вообще разговаривать с Юлей отказалась, чуть брата не лишилась. А Олег всё так же любил до трясучки, баловал, подарки привозил, хотел, чтобы самая красивая была. Предложение сделал – родители Юли уже и не против: так и одной остаться можно. Свадьбу красивую сыграли, в ресторане «Невский», в Белом зале. Все расходы на себя отец Юлькин взял – как подарок молодым.

Олег глаз оторвать не может от жены своей – как ни на есть самая красивая, в своё счастье поверить не может. Вот за эту яркую красоту и обожал он её, пьянила она его, лишая разума.

Юля в Гостином дворе товароведом устроилась и работала, пока не забеременела. Это было самое счастливое время в его жизни, особенно когда Матвей появился. Квартиру кооперативную купили на Комендантском, взносы платили, и отец Юли денег в долг подкинул.

Только сильно тосковал он по дому своему, и мысли одни – о жене и сыне, когда по чужим дорогам колесил, за тысячи километров от Ленинграда. Много раз подумывал бросить такую работу-разлучницу. Юля отговаривала, убеждала, что привыкли они на широкую ногу жить; ничего страш-

ного, ненадолго уезжает, и отпуск в конце концов есть, не то что мать её, капитанская жена, по восемь месяцев отца ждёт.

Давно забыл, как ревновал Юлю к каждому столбу, только вдруг последнее время как не позвонит из рейса – нет дома, вечно мать её с Матвеем возится. Юля обижалась, оправдывалась, что с подружками в кино ходила или в кафе засиделись. Непокойно у Олега на душе, как червь завёлся. Вроде всё так, да не так, и в близости другая, а что в ней изменилось – не объяснить словами. И принял он непростое решение – заканчивать с постоянными отъездами и другое место искать. Все против были. Как можно с такой работы уходить?! Когда Юле сказал, что заявление об уходе написал, та даже слушать не захотела, слёзы из глаз ручьём:

– Что ты такое говоришь?! И куда ты, интересно, пойдёшь? У тебя и образования никакого нет!

– В такси устроюсь! Сын без меня растёт, тебя почти не вижу! Надоело! Хочу рядом быть!

Юля не находила места, не знала, как на мужа повлиять, всё перепробовала.

– Увольняюсь, и точка! Машина есть, кооператив выплатим потихоньку. Что ещё для счастья надо?

Как сказал, так и сделал, и под удивлённые взгляды сослуживцев ушёл с лёгкой душой из «Совтрансавто» и пересел на выдавшую виды «Волгу» из таксомоторного парка. Работа непростая, и разные козлы попадались – сложно было себя сдерживать и в морду не дать. А дома ещё и Юлька вечно

недовольная! Олег старался как мог и без цветов домой не приходил. Если в ночь и под утро заваливался, самое главное – Юленьку с Матвейкой не потревожить. Любил подолгу стоять и её, красивую, разглядывать, а потом шёл и укладывался на крошечный диванчик на кухне, куда и ноги-то не умещались.

Пахал Олег самоотверженно, но денег вечно не хватало, всё время дыры залатывать приходилось. Юля на работу вышла, полегче стало. Бабушки с внуком сидели, сменяли друг друга. Решили, пора в сад отдавать, избаловали сына вконец. Дома в одной комнате тесно становилось от несогласия и растущего непонимания. Он-то всем доволен, а жену вдруг всё не устраивать стало, придирается по любому поводу и домой поздно возвращается, всегда отговорки, только глаза закатывает. Он не понимал её, но ничьей вины в таком положении вещей не видел, просто любят они друг друга по-разному. «Ведь любит, точно любит!» – вбивал себе в голову Олег.

Всё друг о друге знают, и она к нему всегда возвращалась, значит, есть что-то настоящее между ними. А что другая – всегда знал, не секрет какой открылся. Нет жизни без её красоты, никогда ни с кем сравнивать не пытался, все, как мыльные пузыри, лопались, не оставляя в памяти даже ничтожный кусочек воспоминаний.

Ему ничего не надо, работа – дом, даже друзья разбежались, на него больше не рассчитывали. У Юльки всегда по-

дружки на первом месте. Сколько раз выговаривал, чтобы не дымили на кухне, ничем запах табака не вытравить! Почему ей интересно со своим бабьём птичьи разговоры вести, а с ним нет, вечно не то говорит, ничего не соображает, не догоняет.

Юля всегда подчёркивала огромную разницу между ним и собой и так убедила, что он считал присутствие в своей жизни такой женщины настоящим чудом, чуть ли не даром свыше. Он никогда не задумывался, хороший она человек или нет. Невероятно красивая, и это – неоспоримый факт. Раз полюбил такое сокровище и овладел им, значит, надо терпеть все сложности, связанные с Юлькиной исключительностью.

Вспыльчивый и далеко не самый мякиш, перед ней пасовал, не смел произнести ни одного мало-мальски грубого слова, язык не поворачивался. Когда вернулся из армии, друзья поговаривали, что Юля беззастенчиво гуляла все два года. Ему было проще порвать дружбу, как он считал, с завистливыми сплетниками, чем в чём-то заподозрить любимую: «Просто её все хотят, не дают прохода, и нет в этом её вины!»

Даже когда предала и свалила не пойми с кем – оправдывал. Корил только себя и безмерно хотел набить морду разлучнику, который бессовестно запудрил Юльке мозги, и здорово, что она во всём разобралась и вернулась. А уж с появлением Матвея, который был её маленьким клоном, он во-

обще голову потерял и всё больше подумывал пойти в институт на заочный, чтобы ей соответствовать.

Уйти из «Совтрансавто» – это, пожалуй, было единственным решением, которое он принял самостоятельно, и на него не смогла повлиять даже Юля. Сложности в их отношениях проявились именно тогда, когда ушёл с престижного денежного места и стал простым таксистом, с особым видом усталости – усталости от людей.

Но он же не стал другим, он ровно такой же, как был всегда! Олег не охладел ни на один градус, она по-прежнему волновала его. Не раз хотелось плюнуть на все устои, просто взять и вломиться средь бела дня в Гостинку и отыметь её с особым цинизмом где-нибудь в складских помещениях, а потом быть нежным, да так, что непонятно, кто больше прётся от этого, он или она. Секс был сильной стороной их отношений, и они знали об этом. Каждый раз на её вопрос «тебе было хорошо?» отвечал:

– Выше только космос! И то не уверен!..

Скорее всего, именно это и внесло в их жизнь неразбериху и не давало до конца понять, насколько они далеки друг от друга. Если бы не дурацкий случай, неизвестно, сколько бы всё тянулось и куда зашло.

Это было восьмое марта, и он планировал устроить Юльке незабываемый вечер. Как назло, сменщик сломал ногу, и ему пришлось заступить вместо него. И как не удивился, что её

это ничуть не огорчило?!

Стояла невообразимая оттепель после приличного снегопада. Снег сыпал несколько дней, и снегоуборочные не успевали очищать дороги и тротуары. Остатки снега, как обычно, превращались в грязное месиво, и никто этому не удивлялся. Хоть все и недовольно ворчали, но понимали: не Риоде-Жанейро.

Мало того что неожиданно сорвали из дома, так и какую-то железяку словил на Чёрной речке. Пришлось колесо менять, перепачкался с ног до головы. Работать в таком виде, да ещё и в Международный женский день, вроде как неловко – хорошо, Комендантский рядом. Решил по-быстрому домой сгонять. По дороге купил охапку жёлтой мимозы. С утра тюльпаны дарил, но это ж с утра было. Сам счастливый, словно восьмое марта – его личный праздник. Решил под окнами не останавливаться, внезапно нагряться. Ничего дурного в голове не было. Темнело, и кое-где одно за другим загорались окна. Во всю чувствовалось приближение весны, и в воздухе витала особая свежесть. Чуть поодаль от их парадной, в самом начале дома, стояла чёрная вылизанная «Волга». Не мешало помыть свою, но дело явно бесполезное, мой не мой, ровно через час такая же станет. Непонятно, почему остановился, никогда не видел здесь таких машин. Не исключено, что государственная, и наверняка с водителем – и по номеру не ошибёшься, ведомственная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.